

ОКСАНА КОЛАБСКАЯ

**РАССКАЗЫ СТАРОГО СВЕРЧКА
О ЛИТЕРАТУРЕ**

**Москва
Издательство «БПП»
Москва**

В предыдущей встрече старый сверчок рассказал вам о музыке и о музыкантах, а теперь приготовьтесь послушать о тех, кто повелевает умами и сердцами людей с помощью слова — самого мощного оружия на земле.

«Я БУКВЫ ВЕДАЮ...»

— Как я рад нашей встрече! — воскликнул Сверчок. На огромном письменном столе, заваленном книгами, его было и не разглядеть. Он снял свою высокую шляпку, напоминающую цилиндр. — Вам, мои дорогие, и мне тоже, трудно себе представить жизнь без книг! Ведь вы так любите читать! И книги успели стать вашими лучшими друзьями. И, наверняка, ваш книжный шкаф набит множеством интересных сказок, приключений, событий и открытий. И яркие обложки ваших книжек-друзей радуют вас, утешают в нелегкий час и поддерживают. А, самое главное, раскрывают вам тайны жизни, учат быть добрыми, терпеливыми, мудрыми. Нет... совершенно невозможно без книг...

Сверчок ловко накинул веревку, скрученную петель, на уголок жесткой обложки одной из книг, подцепил ее и...

— О не надо мне помогать, мои дорогие, благодарю вас за столь благородный порыв. Но я уже много лет пользуюсь этим простым способом, чтобы открывать тяжелые обложки любимых книг.

Он потянул на себя веревку. Обложка с грохотом открылась. Сверчок едва успел отскочить в сторону.

— Не бойтесь за меня. Я привык... Лучше посмотрите на эту чудесную книгу. Это Священное писание. Знаете, что это за книга? Это Книга Книг! Самая главная, самая мудрая, самая необходимая людям. В ней заключен весь смысл человеческой жизни.

А раньше жили без книг. Да-да, представляете, мои дорогие, без книг. Вам даже представить себе это труд-

но! И наши предки — славяне тоже когда-то жили без книг... Но все время стремились что-то записать — значками, палочками, рисунками. На глиняных дощечках, на пергамене, на бересте. Хотели что-то сказать нам с вами, рассказать о премудрости житейской, предостеречь от опасности... Оно чудесно, это данное нам Свыше стремление познавать. Познавать мир, себя в этом мире, с великой мудростью созданном великим Творцом. Но, согласитесь, значками и палочками, записанными каждым по-своему, объясняться было трудно и неудобно. Такие письма понятны были только некоторым людям. А учиться грамоте хотели многие и многие. И нашлись и для наших предков славян такие учителя. И создали они славянский алфавит. И перевели книги, мудрые и великие книги, с греческого на славянский язык. И «...глухие стали слышать, а немые говорить, ибо до того времени славяне были как бы глухи и немые...»

В далекие времена было такое государство Византия. И был в нем великий город Константинополь. Все там было — и богатые леса, и плодородные земли, и рыбные воды, и удобные гавани. И роскошные дворцы и храмы, и даже водопроводы! Это в те времена-то! Но самое главное жили в этом городе очень образованные люди, занимались науками и просвещением. Были там школы и университет для желающих учиться и постигать тайны различных наук и искусств. И был в этом городе знаменитый ученый Лев Математик. И однажды пригласил он к себе в ученики сына своего умершего родственника талантливого юношу Константина. Да не просто в ученики, а рекомендовал его, этого отрока со светлой головой и прекрасным воспитанием, в воспита-

тели самому юному императору Михаилу! Константин не разочаровал приближенных к императору мужей. Он обладал необыкновенными способностями, учился удивительно быстро, был трудолюбив и послушен. С необычайным рвением постигал он сложнейшие тайны философии, математики, грамматики, астрономии, риторики, алхимии. С легкостью овладевал различными языками — арабским, греческим, славянским, латинским. Но самое главное... был скромн и смиренен душой. А вы знаете, мои дорогие, что такое «смиренен душой»? Да, вы знаете... Это значит, что душа его не гордилась своими способностями и успехами, а не уставала смиренно благодарить своего великого Творца.

Константин был из города Солуни. Городок этот на берегу Эгейского моря портовый, шумный. Кто здесь только не жил и арабы, и славяне, и греки! Маленький Константин, сын местного помощника военачальника, бегал с другими мальчишками по мягкому морскому берегу, строил из желтого мокрого песка башенки и крепости, ловил крабов скрученной из веревки петель и всегда выпускал их обратно — уж очень ему нравилось смотреть, как потешно они семенили своими клешнями, возвращаясь в родную стихию... Но больше всего он любил вечерами рисовать палочкой на мокром песке. Он рисовал все, что видел... Море, тихое, ласковое теплое родное... Шумный порт, огромные корабли, груженные разнообразными товарами... Красивые каменные дома, окруженные цветами и пышно зеленеющими деревьями... Он рисовал увлеченно, старательно выводил каждый штрих. Но упрямая и дерзкая волна всегда смывала его рисунки. Тогда он пытался рисовать по-

дальше от волны. Но на сухом песке ничего не получалось. Рисунки рассыпались раньше, чем он успевал их закончить... Рано понял маленький Константин, что ничего не может сотворить человек сам по себе, в одиночку. Только с помощью Божьей...

И увидел как-то семилетний Константин чудесный сон. Будто знатный воевода собрал невест со всего города и говорит ему: «Выбирай!» Константин посмотрел на девушек и увидел... ее! И была она краше всех. И светились глаза ее тихим, радостным светом. Константин подошел к ней и спросил имя. «София!», — услышал ответ и тут же сообразил: «София, значит, Премудрость!..» И все переменялось в жизни мальчика. словно и впрямь он обвенчался с самой госпожой Премудростью. И она повела его, крепко взяв за руку, по предначертанному пути, помогая и наставляя во всем. Стал он учиться старательнее и прилежнее прежнего. И добился он большого уважения при императорском дворце. Так его и называли Константин Философ. Не раз отправлялся он по приказу императора послом в другие страны. Не раз Слово его спасало государство от войн и разорений. Умел он так ясно объяснить и договориться с любым народом, да еще на его родном языке, что провожали его с почестями и дорогими дарами. Но не брал он дорогих даров. Просил вместо даров этих пленных из своего народа, возвращал их на Родину и заботился о них. Отказался он и от богатой жизни воеводы и от выгодной женитьбы. Не любил он шумной праздной жизни при дворце. А хотелось ему жизни в тишине, уединении и молитве. Говорил ему учитель его Фотий: «Будет преступлением, если человек с твоими способно-

стями исчезнет во времени, не оставив следа...» Но Константин уже провидел свое великое дело.

Прибыли к императору Михаилу послы из Моравии от князя Ростислава. И попросили они учителя для славян, который мог бы разъяснить им веру христианскую на родном славянском языке. Ибо приняли они веру эту, а учителями были западные латинские священники. Как славянам понять Священное писание, эту удивительную Книгу жизни, которую толкуют им на чужом языке? Как услышать эту Божественную мелодию? Как почувствовать необычайную силу молитв?

Константин был к тому времени слаб и болен, но с радостью согласился стать учителем и проповедником для славян. Перевести Божественные книги на славянский, как тогда говорили варварский язык, было делом трудным и даже опасным. Потому что книги были редкостью, и печатались только на определенных языках. Но чтобы перевести книги и молитвы, нужно иметь письменность, то есть буквы, которыми можно записывать слова. А письменности-то у славян до той поры не было! И взял на себя Константин и эту великую миссию. Уединился он от мира, и в долгих трудах и молитвах создал он славянскую азбуку! Но для того, чтобы переводить книги, мало просто придумать значки, обозначающие звуки. Нужно создать грамматику, то есть продумать законы языка, правила построения фразы, склонения, спряжения, суффиксы. Все это вам известно, мои дорогие, из уроков русского языка, неправда ли? Немало времени и сил потратил Константин. И ему удалось сделать и это...

Был у Константина старший брат Мефодий. Отличался он честностью, добродетельностью, приветливостью, мужеством и силой. И дал ему император во владение славянское княжество. «Изучай, Мефодий, обычаи славянские и язык их. Может быть, и пригодится это для нашего государства». Словно предчувствовал то очень важное дело, которое обессмертит имя верного императорского служки. Но Мефодий не остался княжить до конца жизни. Выбрал он другой путь. Как и младший брат, отказался он от царских почестей и славы и укрылся от мирской суеты в один из монастырей, что окружают необыкновенную гору Олимп. Сбылась его давняя мечта. Он стал монахом. А как услышал он о деле Константиновом, так сразу стал его первым помощником и учеником. Мефодий за один день запомнил славянскую азбуку. Недаром он изучал культуру этого народа. Аз, буки, веди... Что обозначает в переводе с древне-славянского: «Я буквы ведаю...» Как в детстве рисовал Константин на песке для Мефодия буквы. И никакая волна уже не могла их уничтожить! Ибо они уже были записаны в веках...

Много лет прожили братья в чужой стране, проповедуя, просвещая наших с вами предков, рассказывая о вере христианской. Долгими ночами сидели они, трудясь над переводами и переписывая книги. И это был великий подвиг. В те времена книги писали вручную, четко и аккуратно прорисовывая каждый штришок. И, не дай Бог, ошибиться! Придется переписывать все заново! С радостью встречали их славяне. Давно жаждали они мудрого Слова. Но были и злые люди, и завистливые. Трудно пришлось братьям. И преследовали их, и

избивали, и издевались, и уничтожали их труды. Но... удостоились они великой славы. Стали он Святыми мужами христианскими святыми братьями Кириллом и Мефодием, просветителями славян. (Константин незадолго до смерти стал монахом и взял монашеское имя Кирилл). И поклоняются им до сих пор. И молятся в храмах. А азбука их стала основой просвещения. Хотя и изменилась она с того времени. Стала проще и легче, словно сбросила с себя тяжесть всех этих нелегких веков. И изучают ее все первоклашки, как только приходят в школу учиться. И читают книги, которые теперь доступны всякому желающему изучать и постигать тайны мироздания! Именно об этом и мечтали наши великие добрые и скромные Учителя...

ЗОЛОТОЕ СЛОВО РУСИЧЕЙ

— Подайте-ка мне вон ту книгу с верхней полки, мои дорогие друзья. Да-да, вот эту, на обложке которой золотыми буквами написано «Слово о полку Игореве». Как предполагают ученые, книга эта написана в 1187 году. И до сих пор она остается великой книгой. Ее изучают со всех сторон. Это и наша русская история, и наш язык, язык особой красоты, на котором говорили наши предки, и их одежда, и их оружие, и их страдания и переживания. «В «Слове...» достигли своего цветения лучшие стороны русской культуры». Так сказал об этой книге славный ученый Дмитрий Сергеевич Лихачев. Вы, наверное, слышали о нем. Он очень много написал о древней литературе нашей страны. Я очень люблю почитать его труды вот здесь, сидя у камина за чашечкой горячего чая. О, мои дорогие, это так прекрасно! Из книг этого уникального человека я и узнал, что в те далекие времена в книгах, оказывается, ничего не выдумывали. Писали всё, как было на самом деле. Иначе никто бы не стал читать. Вымышленные герои никого тогда не интересовали. Как мы изменились, не правда ли? Но я знаю, вы тоже очень любите историю, дорогие мои. Поэтому возьмите в руки книгу «Слово о полку Игореве», откройте и... приобщитесь к нашей великой литературе. Тогда еще только все начиналось на Руси...

В стародавние времена все на Руси по-другому было. Русский народ русичами назывался. Жили они в деревянных домах, только храмы каменные возводили. Пропитание себе сами добывали. Охотились в бесчис-

ленных лесах, богатых всякими разными зверями, которых мы сегодня только на картинках можем увидеть. Хлеб растили на бесчисленных полях. Пасли лошадей и коров на бесчисленных лугах. Тем и жили. И двери на замок не запирали. В некоторых деревнях даже, уходя из дома, еду прямо на столе оставляли для того, кто захочет зайти и отдохнуть с дороги. А если старик странник зайдет, ему особый почет и уважение. Странники-богомольцы особую силу имели молитвенную. Обидеть такого старика — великий грех. На самое лучшее место его сажали, лучшими угощениями потчевали и приговаривали: «Пожалуйте, старче!» Потом два слова эти сократились, и получилось одно самое, что ни на есть, волшебное слово. Догадались какое? — «Пожалуйста»! А еще древние русичи говорили, тому, кто помощь им окажет: «Спаси тебя Бог!» Слова эти тоже в одно слово слились. И получилось еще одно волшебное слово — «Спасибо»! А когда встречались с кем-то, то говорили: «Здравствуй!». То есть от души здоровья тебе желали, молились за тебя будто бы. И слова эти к молитвочкам приравнены. Потому и волшебными называются.

Вот такие мудрые были предки наши русичи. Одно плохо было. Жили они не все вместе, а отдельными княжествами. И у каждого княжества свой отдельный правитель имелся. Князем назывался. Князь города Киева главным считался. Он и делил землю Русскую между своими сыновьями. Князья частенько ссорились друг с другом. То одно не поделят, то другое. То позавидуют, то обидятся, то решат, что с ними несправедливо обошлись. И давай войско собирать, мечи точить,

коней снаряжать и на своего брата войной идти. Вот послушайте:

«...Тоска разлилась по Русской земле, печаль обильная потекла посреди земли Русской...»

Не было между ними дружбы и поддержки. А ведь дружба — это тоже вещь волшебная. С помощью нее можно против любого врага, даже самого сильного выстоять. Вот и русичи одолели ненавистные монгольские племена, которые много-много лет хозяйничали на Руси, в рабство забирали, работать на себя заставляли, непосильную дань собирали. Объединились русские князья и прогнали врага с родной земли. Только это великая битва на поле Куликовом, с которой и началось освобождение Руси, произошла, ох, как не скоро! Не скоро предки наши поняли это и поэтому столько лет терпели страшную власть этих диких народов. А до этого...

Ох, как было страшно до этого... Мало того, что князья между собой воевали, так еще

«...по Русской земле простерлись половцы, точно выводок гепардов...»

Русские города страшно грабили и убивали жителей, дома сжигали, женщин и детей в полон угоняли, поля хлебные уничтожали. А русские князья некоторые с половецкими князьями дружбу водили, договаривались о помощи, чтоб своего брата одолеть. Вот горе то!..

Люди простые очень переживали за землю русскую и мучения на себя страшные брали за разборки эти княжеские, за споры их кровавые. И книги писали об этом, с болью рассказывали в книгах этих о происходящем вокруг. Рассказывали неторопливо, подробно, ни-

чего не выдумывая, лишь добавляли художественные описания, сравнения, рассуждения, словно в рамку живописную обрамляли события эти исторические.

«Тогда по Русской земле редко пахари покрикивали, но часто вороны граяли, трупы между собой деля...»

Только книг этих очень мало сохранилось. Огонь-то не разбирает, что сжечь, а что оставить. Вот и гибли бесценные эти сокровища — книги рукописные — в бесконечных пожарах, разожженных страшными братоубийственными войнами.

«Слово о полку Игореве», книгу эту уникальную, наполненную любовью к земле нашей Русской и страданиями за нее, огонь пощадил. Оставил нам с вами в назидание поэтический рассказ об ошибках наших предков. Рассказ необычайной красоты языком сложенный. Чтобы мы с вами знали цену дружбы, преданности и силы родства. Чтоб не заносились высоко и не мыслили больших дел в одиночку осуществить, а поддержкой верных друзей заручались. И чтобы читалось нам легко и свободно, да с великим удовольствием и великой любовью к земле нашей Русской.

А в книге этой вот о чем говорится. В 12 веке жил-был русский князь Игорь Святославич Новгород-Северский. Игорь был из тех князей русских, у которых

«храбрые сердца из крепкого булата скованы и в смелости закалены...»

Как и многие другие князья, дружбу водил с половецким ханом Кончаком. Но потом нашел в себе силы душевные глубоко раскаяться в своих отношениях с «полками погаными». Не испугался, не устыдился при-

знать свои ошибки, искренне сожалел о содеянном, страдал, искал повода исправиться.

«Помянух аз грехи своя перед Господем Богом моим, яко много убийство, кровопролитие сотворих в земле крестьянстей, яко же бо аз не пощадох хрестыан...»

Стремился Игорь Святославич доказать верность новой идее объединения русских князей. Об идее этой спасительной ратовал киевский князь Святослав Всеволодович и другие русские князья, с которыми единым войском удалось этому храброму князю одержать блестящую победу над половцами, «притомить поганых».

«...прибил своими сильными полками и булатными мечами, наступил на землю Половецкую...»

Но Игорь не смог участвовать в этом знаменательном сражении. Не успел он с войском своим на помощь братьям. Конному игореву войску гололедица помешала! Муки совести о прошлом, тяжелые переживания о нынешней неудаче подтолкнули Игоря Святославича к самостоятельному походу на половцев. Игорь рыцарски заботился о чести и славе своей княжеской. Взял он брата своего князя Всеволода и сына князя Владимира. Снарядили войска они свои храбрые. Но поход этот, увы, закончился полным поражением. Игорь не хотел замечать дурные предзнаменования. Видел и солнечное затмение, слышал ночную грозу и свист звериный. И птицы, и волки, и лисы предсказывали ему несчастье. Но не мог он дружины свои с позором назад повернуть. Разве достойно это русского князя? И сказал он дружине своей:

«Братья и дружина! Лучше убитым быть, чем пленным быть; так сядем братья на своих борзых коней да посмотрим хоть на синий Дон...»

Три дня шло страшное сражение. Три дня бились храбрые воины Игоревы. Но половцы одолели их. И перебиты были все русские воины. А те, что уцелели, оказались в плену у поганых.

«Тут пир закончили храбрые русичи: сватов напоили, а сами полегли за землю Русскую. Никнет трава от жалости, а дерево с горем к земле приклонилось...»

И молвил Святослав Всеволодович, когда узнал он о поражении Игоревом, «изронил золотое слово, со слезами смешанное», упрекая братьев своих в ненужной храбрости, торопливости, в том, что одни пошли, без поддержки, без помощи...

«Но сказали вы: «Помужествуем сами, прошлую славу себе похитим, а будущую сами поделим... А разве дивно, братья, старому помолодеть?.. Но вот зло — князь мне не помогают: худо времена обернулись...»

И плакала жена игорева Ярославна, заклиная все силы природные помочь Игорю домой воротиться.

«Полечу, — говорит, — кукушкою по Дунаю, омочу шелковый рукав в Каяле-реке, утру князю кровавые его раны на могучем его теле...»

И плакали жены погибших воинов. И плакала вместе с ними вся земля Русская, омытая кровью русских воинов, ибо не помнила она более кровавого сражения...

Не знаем мы автора этой книги, но знаем помыслы его светлые. Знаем думы его тяжелые о судьбе несчастной родины его разрозненной и разоренной. Догады-

ваемся о мечтах его и надеждах дерзостных о единой Руси — державе могущественной и свободной. Чувствуем любовь его горячую к поверженным воинам. Видим восхищение храбростью их и отвагой.

«Здравы будьте, князья и дружина, борясь за христиан против нашествий поганых!»

Вот так книга! Всего несколько страничек. А сокровищ! Просто несметные богатства какие-то! Сколько рассуждений о судьбе Руси нашей, обобщений, сравнений! А портреты князей русских — целая галерея! И как мастерски выполнены! Меткость слова, точность штриха! Каким же надо обладать Даром слова, чтобы, «не растекаясь мыслию по древу, серым волком по земле, сизым орлом под облаками», чудесным образом вложить огромный период истории народа русского, нашего с вами народа в одну крохотную книгу.

Читать нам книгу эту — не перечитать! Дивиться красоте ее и мудрости — не надивиться! Радоваться встрече этой чудесной — не нарадоваться! Вот так-то, мои дорогие...

ВЕЛИКАЯ КОМЕДИЯ

— А теперь, мои дорогие друзья, перелетим мы с вами в 18 век. — Сверчок сиял от счастья, словно Рождественский фонарик. Книги — любимая тема его рассказов. Книги в его коморке были везде — на книжных полках, на всех столиках больших и маленьких и даже на каминной полочке.

— О, не волнуйтесь, мои дорогие, с книгами и с огнем я крайне аккуратен. Я достал эти книги только для вас, чтобы рассказать о великой комедии. Прочтите, что написано на этой обложке. Правильно! Денис Иванович Фонвизин. «Недоросль». Кто из вас не слышал об этой комедии! И кто из вас не смеялся над ленивым увальнем Митрофанушкой, не желающем слышать об уроках: «Не хочу учиться, хочу жениться!»

Совсем как сын Жабы из сказки «Дюймовочка»! Интересно, Ганс Христиан Андерсен читал комедию Дениса Ивановича Фонвизина, когда писал свою чудесную сказку? Теперь уже не спросишь. Но пометать и поразмышлять — это наше право! Не похож ли дом госпожи Простаковой, маменьки Митрофанушки, на болото? Ведь в этот дом не может пробиться ни один лучик солнца, потому что жители его заняты только своими земными заботами — как вкусно накормить любимое дитя, и как красиво его одеть. И все! И даже если эти лучики и пытаются пробиться в лице умной, образованной, преданной Софьи, или в лице ее дяди Стародума, благородного старика, или в лице возлюбленного Софьи Милона, честного служаки, то этих лучей сторонятся, боятся и ищут от них выгоду. Мир, огромный и не-

объятный, прекрасный и неповторимый сужается до мирка крошечного, вязкого, темного болота, в котором даже лягушки не квакают, потому что их пение никого не интересует. Согласитесь, трудно представить себе госпожу Простакову, или Митрофанушку, или няньку Еремеевну наблюдающими за ночным звездным небом, или любующимися капелькой росы после дождя. А дядя Митрофанушки, Скотинин, фанатично интересуется животным миром только в виде свиней. Смешно, мои дорогие?!.. Да, смешно, особенно когда Митрофанушка жалуется, что ему «ночь всю такая дрянь в глаза лезла» от того, что «почти и вовсе не ужинал... Да что! Разве что солонины ломтика три, да подовых, не помню пять, не помню... шесть и квасу целый кувшинец выкушать изволил...» Смеешься и над страшным невежеством его маменьки, когда та бранится на бедного портного Тришку: «Так разве необходимо быть портным, чтобы уметь сшить кафтан хорошенько. Экое скотское суждение!» Вызывает смех и страстная преданность няньки Еремеевны, которая за «робенка... и клыков беречь не станет»... «Издохну на месте, а дитя не выдам. У меня и свои зацепы остры...» А Митрофанушка уж давно не дитя... Кем и с чем придет он в мир, что он способен создать? А как представишь, что ему уготована судьба солдата, вот тут уже становится не до смеха. И как же маменька без своего дитяти жить будет?.. Жалко их, хотя и понимаешь, что сами во всем виноваты...

Но не бывает ли и с нами таких казусов, когда мы в своих поступках дальше своего носа не видим? И тоже ничего вокруг себя не замечаем? Ни утомленного лица мамы, ни слез обиженной сестренки, ни расстроенного

взгляда учительницы, услышавшей от нас грубое слово. Хорошо, если нам удастся все исправить, оглянуться вокруг себя... И тогда получится взглянуть еще дальше, например, попробовать узнать как же удалось нашему дорогому Денису Ивановичу Фонвизину создать такую яркую картинку жизни, написанную легко, живо, точно, с великою радостью! Одним словом, создать первую реалистическую комедию на Руси! Что, интересно, мои дорогие?

Вот она, старая Москва восемнадцатого столетия. Да, не сразу узнаешь нашу столицу. Одни улицы вымощены камнем, другие застланы бревенчатой мостовой, а то и вовсе не вымощены. Рядом с каменными барскими домами — маленькие бревенчатые домишки в два или три окна с завалинками под окнами, с огородами. Не поймешь, то ли город, то ли деревня. И речка Неглинка, еще не спрятанная под землю, бежит вдоль Кремлевской стены. И на Театральной площади — старая водяная мельница. Ведь тогда еще до изобретения водопровода было далеко! Так что воду возили и таскали с Театральной площади! И везде народ, народ... И на площадях, и на Охотном ряду, где продавалось... Да что только не продавалось! А если праздник, то на Красной площади большое гулянье и ярмарка. Шумно!.. Пестрая толпа, не спеша, перебирается от одного балагана к другому. Тогда никуда не спешили, и умели наслаждаться жизнью, каждым ее мгновением! Качели, балаганы, бублики, калачи, печатные пряники, озорник Петрушка в руках у бродячего актера-скомороха! Что может быть лучше для маленького мальчика, наделенного жизнерадостным характером, цепким, внимательным

взглядом и острым умом! Маленький Денис Фонвизин с величайшим удовольствием бегал или степенно ходил пешком по московским улочкам и площадям. Отец его, московский помещик Иван Андреевич Фонвизин, был не так богат, чтобы позволить себе держать в доме собственный экипаж. Как вы знаете, в те времена был один единственный копытный транспорт. Да-да, благороднейшие и умнейшие четвероногие друзья лошадки, верные, преданные и очень трудолюбивые. Не даром мощность позже изобретенного автомобиля стали измерять лошадиными силами. Лошадок впрягали в телеги и повозки, в кареты, пролетки и экипажи... Цок, цок, цок... Размеренный цокот копыт напоминал часы... Тик-так, тик-так, цок-цок... «Но-о-о!.. Тпр-ру!», — зычно кричал извозчик. И лишь изредка нарушал этот ритм какой-нибудь гонец, мчавшийся на прекрасном жеребце. «Эге-гей!.. Посторонись народ православный!»... Срочные известия тогда тоже имели место. Хотя «срочность», как и «время» понятия относительные...

Вот на такую Москву любовался Дениска Фонвизин. В свободное от уроков время, конечно! И он учился, мои дорогие! И старательно занимался науками, какие только были доступны небогатому дворянину. Читать его выучил отец с четырех лет. Учились дети в то время по церковнославянским книгам — часослову и псалтыри. Детских учебников и букварей не было. «Аз...», — повторял малыш вслед за отцом, показывающим букву «А». «Буки...»... И так дальше до конца алфавита. Выучил? Теперь складывай. Тоже наука! Надо соединить только первые звуки названий букв: «Буки и аз — ба». А буквы «Аз» и «Буки» ничего вам не напоми-

нают? Да-да! Слово «Азбука». Именно этим чудесным красочным учебником вы пользовались, чтобы научиться читать. А тогда и детских книжек не было. Дети не читали, а слушали народные сказки. И песни тоже. Их пели в основном простые люди — крестьяне. Они звучали везде. Пели на покосах, пели во время сбора урожая. Пели в праздники и в дни скорби. Пели дворовые девушки и крестьянские работники в барском доме. Вам ведь известно, что у помещика, владельца земли, были слуги, помогающие хозяину вести хозяйство. У хорошего хозяина слугам жилось хорошо. А Иван Андреевич был хорошим хозяином. Читайте вот здесь, да-да в воспоминаниях самого Дениса Ивановича: «...вспыльчивым, но не злопамятным. С людьми своими обращался с кротостию... Мать моя имела разум тонкий и душевными очами видела далеко. Сердце ее было сострадательно и никакой злобы не вмещало...»

Теплый был у Дениса Фонвизина родительский дом. Теплый и добрый. Не было жестокости, не слышалось отчаянных криков избиваемых детей или крестьян... И в тоже время, везде был строгий порядок. «Сие доказывает, что битье не есть средство к исправлению людей». И Денис рос добрым и крайне чувствительным мальчиком, не терпящим несправедливости и жестокости. Однажды отец его рассказывал детям библейскую историю об Иосифе Прекрасном. Помните, старшие братья Иосифа продали его в рабство к египтянам. И маленький Денис, услышав о таком ужасном поступке, заплакал. Но постеснялся рассказать отцу истинную причину своих слез. Постеснялся, потому что испугался, что отец больше не станет рассказывать. Но Иван Анд-

реевич, узнав правду, продолжил рассказ. Так до конца жизни сохранил Денис Иванович Фонвизин сердце свое чутким и отзывчивым, каким оно было в детстве. И так же оно сжималось от боли и истекало невидимыми слезами, когда будучи именитым переводчиком и известным драматургом, создавшим бессмертную комедию «Недоросль», видел совершающееся беззаконие по отношению к слабым и беззащитным. «Я ничего так не боялся, как сделать какую-нибудь несправедливость людям, и ни перед кем так не трусил, как перед теми, кои от меня зависели и кои отомстить мне были не в состоянии»... Это слова истинно мужественного человека, обладателя огромного сердца полного Любви к людям! Ведь обижать, издеваться и властвовать легче всего над теми, кто слабее тебя.

Так как же Денис Иванович Фонвизин стал драматургом? Драматург, мои дорогие, это человек, который пишет пьесы для театра. Когда же произошло легендарное знакомство с театром, которое и решило судьбу Дениса Ивановича, круто изменило его жизнь и сделало его фамилию бессмертной? Попробуем разобраться.

Фонвизин был одним из первых студентов Московского университета. И одним из лучших студентов! Поэтому директор университета взял его с собой в одну из своих поездок в Петербург, где жила в то время императрица Екатерина Вторая. Ведь Петербург был тогда столицей русского государства. Директор ездил хлопотать об университете и заодно знакомил лучших студентов с чудесным городом — культурным центром земли русской. Конечно, здесь были прекрасные театры и прекрасные актеры! Каких людей повидал тогда Денис

Фонвизин! Он был представлен, как один из лучших студентов великому русскому ученому, поэту, литератору и создателю Московского университета Михайло Васильевичу Ломоносову. И графу Ивану Ивановичу Шувалову — камергеру при дворе Екатерины Второй и куратору Московского университета. Но самым, наверное, решающим в Петербурге было знакомство с актерами — Федором Григорьевичем Волковым и с Иваном Афанасьевичем Дмитриевским. «Я с ума было сошел от радости, узнав, что сии комедианты вхожи в дом дядюшки моего...» Федор Волков славен на Руси как создатель первого русского театра. Его детище в Петербурге так и называлось Русский театр. Туда-то в этот храм искусства и устремился наш юный герой и проводил там вечер за вечером, восхищаясь происходящим на сцене. «Но ничто в Петербурге так меня не восхищало, как театр, который я увидел в первый раз отроду... — вот читайте дальше, мои дорогие, — Тут видел я Шумского, который шутками своими так меня смешил, что я, потеряв благопристойность, хохотал изо всей силы...» Волков был очень талантливым человеком. Сама Екатерина вторая назначила его главным организатором праздника-маскарада «Торжествующая Минерва», задуманного в честь коронации русской императрицы.

Многие годы Денис Фонвизин хранил дружбу с Иваном Афанасьевичем Дмитриевским, другом и продолжателем идей Федора Волкова и первым актером в труппе Русского театра. Это был человек талантливый, вдумчивый. Он умел тактично и очень точно указать ошибки своему партнеру на сцене. И, можно сказать,

был первым русским режиссером. А о такой профессии тогда еще и не подозревали в театральном мире.

Да! Тот театр был не совсем похож на современный нам театр, вернее, почти совсем не похож! Та театральная эпоха называлась эпохой классицизма. Другими словами, театральное искусство подчинялось строгим законам. Жизнь на сцене должна быть изображена не такой, какая она есть на самом деле, а какой она должна быть. И герои, поэтому получались не живыми людьми, а куклами, наделенными одной чертой характера. Один герой был очень добр, другой умен, третий зол, а четвертый хитер! То есть получались не персонажи, а ходячие пороки и добродетели. И они должны были поучать со сцены зрителей, как жить надо и как не надо. В то время, когда появился такой театр, он был чуть ли не единственным театром на Руси! Поэтому это зрелище было в диковинку и пользовалось большой популярностью. Но всему приходит конец! История идет вперед. Все развивается и взрослеет. Преданные служители театра стали искать для театра иных выражений. Захотелось увидеть на сцене живых людей, с пороками, страстями, чувствами, переживаниями. Захотелось увидеть истинную жизнь, какая она есть на самом деле, но только... чуть приподнятой над землей, совсем немного... всего лишь на высоту театральной сцены... Это обязательный и неоспоримый закон театрального искусства!

Денис Иванович Фонвизин обладал всеми качествами драматурга, способного написать великую и бессмертную комедию, в которой каждый сидящий в зрительном зале будет узнавать себя, черты своей жизни,

свои ошибки и недостатки, и при этом безудержно хохотать, забывая в этом веселом, добром смехе обо всем на свете! Но хохотать не над теми, кто на сцене, а вместе с ними... По-доброму... А по другому Фонвизин и не позволял смеяться. Это тоже обязательный и непреложный закон театрального искусства!

Давайте тихонечко заглянем в зрительный зал частного театра Книпера в Петербурге. Именно в этом театре состоялась премьера «Недоросля» 24 сентября 1782 года. Партер, балкон, вроде бы, как у нас... Только зрительный зал и сцену освещают свечи. А народу-то, народу! Зрительный зал переполнен! Видите, Дмитревский в роли Стародума! С каким жаром и искренностью говорит его герой о чести и честности. Воистину, благородный старик. Если бы не он, быть бы Софье замужем за Скотининым. А в роли Еремеевны — Яков Шумский! Тогда роли старух обычно исполняли пожилые актеры. А актрисы исполняли лишь роли молодых женщин. Стоило нам взглянуть на него, и через минуту мы так же захлеб смеемся над шутками прирожденного комика, потеряв всякую благопристойность, совсем как Денис Фонвизин, будучи еще студентом, когда он впервые попал в театр. Но... занавес закрылся, мои дорогие. Зрители в восторге! Они не отпускают актеров и не жалеют ладоней. Браво... Брависимо... И на сцену летят кошельки с деньгами от благодарных зрителей. Да, так было тогда принято. Бросим и мы монетку... из будущего, чтобы еще ни один раз сюда вернуться...

В ПОИСКАХ ЗЕЛеноЙ ПАЛОЧКИ...

Сверчок, как всегда сидел на каминной полочке. В руках у него был... смычок, которым играют на скрипке. Но он был... зеленого цвета!

— Да, мои друзья, вы не ошиблись! Мой смычок теперь зеленого цвета! Я хотел понять, что же такое зеленая палочка счастья, которую ищут всю жизнь. И понял, что для меня такая зеленая палочка — это мой смычок! Я не представляю себе жизнь без моей скрипки, волшебные звуки которой уводят меня вместе с вами в разные края, чтобы постичь смысл другой жизни. И только я так подумал, как смычок стал словно зеленый стебелек ранней весной! А вы нашли свою зеленую палочку счастья? Ищите, друзья мои. Это очень важно.

Итак, путешествуем дальше. В девятнадцатый век! Готовы? Сегодня я вам расскажу об одном удивительном писателе. Как только его не называли! И величественным стариком, и писателем-гигантом, и глыбой русской литературы! Видите те книжные полки? Да, мои дорогие, на них живут книги этого писателя... Вон их как много. Нет-нет, они не одинаковые! Обложки у них одинаковые, потому что это полное собрание сочинений. Одним словом здесь на этих многочисленных полках хранятся все-все сочинения великого русского писателя Льва Николаевича Толстого!

Вот его портрет. Согласитесь, мои дорогие, странно называть Льва Николаевича Толстого, да-да, этого седого бородатого старца — Левочкой... Но он действительно был когда-то, как и вы, мои дорогие, маленьким мальчиком Левочкой. Так звала его маменька Мария

Николаевна Толстая. Милая, милая маменька... Ее мягкие, пусть не вполне красивые, но самые-самые родные черты почти растворились в памяти и оставили неясное, расплывчатое воспоминание, скорее даже ощущение. Ощущение теплого взгляда светлых огромных глаз, нежных прикосновений красивых тонких всегда чуть прохладных рук, мягкого спокойного голоса, неспешных, но всегда ловких и правильных движений... Маменька умерла, когда Левочке было лишь два года. А это слишком мало для того, чтобы сохранить ясный и четкий портрет такого близкого, самого близкого человека в жизни.

Левочкой звал его и папенька Николай Ильич Толстой. Папенька! Веселый, жизнерадостный, легкий на подъем красавец! Левочка очень страдал, когда понимал, что ему не успеть за отцом. Он не уставал любоваться им. Как ловко и смело папенька держался в седле, загоняя по золотым от яркого солнца скошенным хлебным полям зайца-русака! А какой звучный удивительно приятный голос был у него! И смех! Папенька смеялся до того добродушно, что заражал всех вокруг этим своим добродушием. И все вокруг начинали смеяться, даже те, которые и не знали причин веселья. Не забыть Левочке и часов, проведенных с отцом в детской. Никто лучше него не рассказывал истории, никто лучше не рисовал забавные картинки и никто лучше не организовывал плаванье на корабле-столе в дальние неведомые страны. Чем бы папенька ни занимался — объезжал ли свои поля, обсуждал ли с управляющим дела имения, встречал ли ряженных на святках, бегал ли с детьми в догонялки — все он делал с величайшей

серьезностью и с величайшей любовью. Этими удивительными свойствами он щедро одарил своего младшего сына Левочку...

Все было хорошо вокруг и люди прекрасны, и природа чудесна, и собаки во дворе, и воробьи... Прочтите вот здесь, мои дорогие: «Счастливая, счастливая, невозвратимая пора детства! Как не любить, не лелеять воспоминаний о ней! Воспоминания эти освежают, возвышают мою душу и служат для меня источником лучших наслаждений...» Левочке всегда хотелось, чтобы все вокруг было хорошо. Казалось, жизнь бы отдал, за то, чтобы все были счастливы...

Левочка не хотел и не мог видеть ничего плохого вокруг. Если что-то жестокое происходило на его глазах, глубоким следом врезалось в его маленькое отзывчивое сердечко и не забывалось уже никогда. Долго не верил он в смерть отца, который погиб внезапно и при странных обстоятельствах, когда Левочке было лишь восемь лет. Восемь лет... это слишком мало, чтобы ощутить отцовскую крепкую руку в самые тяжкие годы, когда пора детства уже кончилась, а взрослым еще не стал. И Левочка вдруг впервые ощутил страшное одиночество. Оно сковало его, словно цепями. Левочка долго искал отца среди проходящих людей, не переставая верить, что он вот-вот придет и засмеется своим чудесным смехом, разгонявшим все тучи вокруг. Но отец не приходил. А ведь еще совсем недавно они с братьями Николенькой, Митенькой и Сережей беззаботно играли в «муравейных» братьев, сидя под стульями, загородившись от мира платками и ящиками, крепко прижавшись друг к другу и мечтали о счастье всех людей. Но глав-

ным было — найти зеленую палочку, хранящую в себе тайну счастья. Да! И в завершении надо было обязательно попасть на чудесную неведомую Фанфаронову гору, исполнив несколько сложнейших условий. Одно из них звучало так: «встать в угол и не думать о белом медведе!». О... это казалось невыполнимой задачей. Левочка так старался не думать о белом медведе, но именно он, проклятый, словно нарочно лез в его мысли. Левочка сердился, топал ножкой, но ничего поделать не мог. Белый медведь упорно преследовал его. Даже во сне! Что, смешно? Сами попробуйте!

А сейчас... Жизнь ворвалась с семьей Толстых своей жестокой реальностью и ох!.. как трудно стало верить в существование зеленой палочки и «муравейного» братства. А Левочка так любил свой большой, уютный гостеприимный дом. Любил, когда вечерами вся семья собиралась в гостиной за чаем. И бабушка «с своим длинным подбородком, в чепце с рюшем и бантом...» раскладывала карты, понюхивала изредка из золотой табакерки и вела неспешный разговор с тетюшками... Любил слушать мелодичный голос тетюшки Татьяны Александровны Ергольской, когда та читала вслух и смотреть как огонь разгорается в печи. Эту свою тетюшку Левочка бесконечно любил и считал своей родной-родной... после матери, конечно, образ которой был для него свят и неприкасаем... Любил всеобщее оживление, когда появлялся в доме юродивый Гриша, любил разглядывать этого странного бездомного человека с необыкновенно чистым, добрым взглядом, скитавшегося по дорогам, ночевавшего под открытым небом, вечно голодного, но, казалось, не представлявшего для себя другой жиз-

ни. Любил наблюдать, как сажали его за особый стол, угощали, давали денежку, и внимательно прислушивались к его непонятной сбивчивой речи, строя из этих обрывков предположения и догадки о будущем... Любил смотреть в окно из классной комнаты и любоваться на крепко слежавшиеся грязноватые куски уже подтаявшего снега, на проталинки с чуть пробивающейся крохотной зеленой травкой, на обалдевших от теплого солнышка звонко трезвонивших воробьев, страшно завидую всем собакам, кошкам и воробьям на свете, когда учитель его, добрейший Федор Иванович Рессель, диктовал что-нибудь по чистописанию... Жизнь текла медленно, неспешно, почти всегда радостно и интересно. И вдруг... Все оборвалось. После отца умерла и бабушка, не сумев справиться с этим горем. Жизнь переменялась. Все пошло по-другому, как-то не так... Левочке казалось, что хорошо уже никогда не будет. Никогда больше он не испытает того полного детского беззаботного счастья. Никогда-никогда... Но Левочке помогла... зеленая палочка. Он вспомнил о ней однажды, когда увидел молодой зеленый пруттик, валявшийся под яблоней. Ах, милый Николенька! Какой он молодец, что рассказал своим младшим братьям о чудесной зеленой палочке счастья, которую надо искать, искать всю жизнь, искать смело и дерзко, не забывая оглядываться вокруг себя и протягивая руку помощи отстающим и нуждающимся. Поисков этих Левочка никогда не оставит и проживет, благодаря этим чудесным поискам интереснейшую, честную, полную, смелую и замечательную, одним словом, великую, жизнь.

Великим писателем Левочка стал не сразу, не в один день и далеко немолодым человеком, хотя перо свое он пробовал еще в молодые годы, описав свое «Детство», свое «Отрочество» и свою «Юность», которые в писательских кругах были приняты на «ура», и все пророчили молодому писателю большое писательское будущее. Левочка очень долгое время никаким писателем себя не считал. И вообще, серьезно к себе, как к писателю, не относился. Он искал... И в своих поисках бродил по таким дорогам жизни, которые обычному человеку недоступны.

Несколько лет он служил на Кавказе с братом Николенькой. Воинственная, полная опасностей и приключений жизнь военного нравилась Левочке. По крайней мере, она отвлекала его от одиночества. Сильные впечатления военных действий, проявления истинной отваги офицеров и солдат поражали и вдохновляли Левочку в его поисках. Сам необычайно храбрый, отчаянно смелый, благородный и удивительно добрый к своим подчиненным, Левочка ненавидел войны, кровопролитие и смерть. Вот эти строки:! «Неужели тесно жить людям на этом прекрасном свете под этим неизмеримым звездным небом? Неужели, может среди этой обаятельной природы удержаться в душе человека чувство злобы, мщенья или страсти истребления себе подобных?...»

Левочка, проявив чудеса храбрости в Севастопольской битве в Крымской компании 1855 года на самом страшном 4-ом бастионе, испытав жесточайшее чувство горечи за нашу храбрую, благородную, но совершенно неорганизованную русскую армию, омыв в душе слеза-

ми каждого солдата, погибшего в отчаянной, изначально неравной и бесполезной борьбе, бесподобно запечатлел все это в «Севастопольских рассказах», которые отметил сам государь русский император Александр Второй. Левочка оставил военную службу, чтобы вновь продолжать поиски своей зеленой палочки...

Словно в заколдованном лесу блуждал Левочка по жизненным тропам. Путешествовал по разным странам, встречался и расставался с людьми, наблюдал, записывал, пытался наладить жизнь крестьян в собственном имении в Ясной поляне, писал небольшие повести и рассказы «Семейное счастье», «Казачки», «Альберт». И даже работал мировым посредником 1-го участка Крапивенского уезда Тульской губернии! Посредником между крестьянами и помещиками. Зачем им был нужен посредник? Все очень просто... Нет! Совершенно не просто! Раньше у нас на Руси было крепостное право. То есть крестьяне были собственностью своих хозяев — помещиков. Те могли их наказывать, жаловать, губить или миловать и даже продавать, словно вещь. Помещики были разные. У некоторых хороших хозяев и крестьянам жилось хорошо. Так хорошо, что они даже при отмене крепостного права и уходить-то никуда не хотели. Так «прирастали» к своим хозяевам, что жизнь свою искренне посвящали им, даже ворчали на своих господ, опекали молодых, командовали и другой жизни себе не желали. Но были и жестокие помещики, которые упивались своей властью над крестьянами и делали с ними все, что в голову взбредет. Какая-нибудь взбалмошная барыня могла наказать дворовую девку за то, что та посмела присниться ей. Или самодур-помещик мог прика-

зять высечь повара за то, что тот приготовил не ту рыбу или чуть пережарил куриное крылышко. Да, и такое бывало. Когда русский император Александр Второй отменил это постыдное рабство, многие помещики да и сами крестьяне были недовольны, возникало много споров и недоразумений. Поэтому нужны были влиятельные, авторитетные, честные и справедливые помощники, которые эти споры могли разрешать. Таким помощником-посредником и служил Левочка. Он старался, разбирался в конфликтах, помогал как мог, уставал до полусмерти, почти ничего не писал и понимал, что его заветная палочка зарыта не здесь...

Давней мечтой Левочки была школа. И не простая школа, а для крестьянских ребятишек, которые тогда все почти были неграмотные. Никакого образования для них и не предусматривалось. Они овладевали ремеслом своих отцов и продолжали их дело. Вот и все. Больше им знать не полагалось. А Левочка уже давно приглядывался к этим неумытым мордашкам и не верил в то, что эта ребятня не в состоянии овладеть грамотой и счетом. И Левочка решился. Однажды теплым осенним утром он объявил в деревне, что в имении Ясная поляна открывается бесплатная школа. Крестьяне, кто с радостью, кто с сомнением, одели своих ребятишек в праздничное чистое платье и отправили с Богом учиться к «граху», как они называли Левочку..., то есть графа Льва Николаевича Толстого. Ибо давно уже Левочка превратился из юноши в солидного величественного мужа атлетического сложения (Левочка всегда серьезно занимался гимнастикой). Ребятишки робели, жались друг к другу. Но как только «грах» поздоровался

и ласково улыбнулся, все тоже начали улыбаться и повеселели. Прежде всего, Лев Николаевич научил своих учеников попросту называть его Львом Николаевичем, а не «вашим сиятельством». Потом, когда все прошли в комнату, специально подготовленную для занятий, и расселись на подоконниках, на скамьях, на полу, в кресле, Лев Николаевич, решивший было начать обучение с изучения азбуки, обвел своими добрыми серыми глазами свой первый класс, состоящий из разновозрастных заморенных недокормленных Васяток, Данилок, Игнаток в домотканых рубашонках, лаптях с заскорузлыми от работы ручонками, вдруг неожиданно сам для себя начал рассказывать про чужеземные страны, про звездное небо, про нашу планету... А рассказчик он был ого-го! Заслушаешься! Можно себе только представить, что произошло с мальчишками и девчонками, которые и представить себе не могли, что кроме их деревни еще что-то где-то существует!

Обучение шло удивительными темпами. Лев Николаевич сил не жалел, чтобы придумать, как интересней своим ребятам рассказать математическое правило или отработать буквенные соединения по чистописанию. Ученики были счастливы и обожали своего учителя. Не говоря уже о самом учителе! И никто никогда без серьезной причины не опаздывал, хотя наказаний никаких в школе не было. Все занимались с таким удовольствием, что порой уроки растягивались на несколько часов! Воспоминания об этой школе хранятся очень бережно. И я с радостью прочту вам несколько строк. «... Уже давно виднеются из школы огни в окнах, и через полчаса после звонка, в тумане, в дожде или в косых лучах

осеннего солнца, появляются темные фигурки по две, по три и по одиночке... В руках ничего не несут, им нечего и в голове нести. Никакого урока, ничего сделанного вчера он не обязан помнить нынче. Его не мучает мысль о предстоящем уроке. Он несет только себя, свою восприимчивую натуру и уверенность в том, что в школе нынче будет весело так же, как вчера...»

Но Толстой, как всегда, оказался в одиночестве. Недоброжелатели смеялись над ним и называли чудачеством его возню с грязными ребятами. Друзья тоже не понимали его и советовали бросить эту забаву и серьезно заняться писательским делом. Но Лев Николаевич только расширял свои идеи, изучал школы за границей, писал статьи, учил молодых преподавателей. Но чтобы так преподавать, как Толстой, надо быть самим Толстым! Научить можно каким-то приемам, методикам, но такой гениальный талант, к сожалению не передашь. А у Толстого вся методика состояла в том, чтобы не было никакой методики. Хотя некоторые его мысли об образовании нашли свое применение в Американских университетах!

Толстой со временем опять почувствовал, что опять он живет неполной жизнью. Опять идет не по той дороге. Ребятишки выросли, стали образованными людьми. Но где же ты, зеленая палочка счастья? Неужели опять промах? Он опять остался одинок... Одинок? Навсегда? Нет-нет! В один прекрасный день у него появилась семья. Молоденькая, совсем юная очаровательная жена Софья Андреевна, Сонечка... В пустом его доме вновь зазвучали детские голоса, опять вечерами собирались за самоваром, обсуждали дела, раскладывали пасьянс,

в печи разгорался огонь и весело трещали поленья... Лев Николаевич больше времени теперь проводил за письменным столом. Там его ждали... Кто бы вы думали? Его герои... Наташа Ростова, Андрей Болконский, Анна Каренина, Пьер Безухов... Они окружали его, говорили, что-то советовали, спорили, ругались, мирились. Он прислушивался к ним, поселял их в свои романы, рисовал их портреты с особой тщательностью, деликатностью, нежностью и великой любовью, на которую только был способен этот великий человек, великий русский писатель Лев Николаевич Толстой... Левочка...

О, ЕСЛИ Б ВСЕ ЛЮБИТЬ УМЕЛИ ТАК РОССИЮ...

— Русский писатель Иван Шмелев жил в начале 20 века и испытал все муки того страшного времени, когда в нашей стране, мои дорогие друзья, происходили трагические события — революция, уничтожение православной Руси, убийство русского царя Николая Второго-помазанника Божьего на управление нашей страной, бесчисленное истребление русских людей, защитников веры нашей православной. Как и многие-многие русские люди, Иван Шмелев вынужден был покинуть свою Родину. Ведь новому безбожному режиму он стал не нужен. А его любимая Родина была разрушена.. И чужие края для него навеки остались чужими...

Посмотрите, мои дорогие, вон туда! Видите? Мальчик! Это Ваня Шмелев... Он стоит на мосту и с умилением взирает на город, раскинувшийся на берегах неширокой реки. Высокие кирпичные башни-сторожа красного величественного Кремля, стройные колокольни белоснежных храмов, возвышающиеся над низкорослыми деревянными домиками и над каменными, что повыше, побогаче... И словно затопившие все вокруг яблоневые, грушевые, вишневые сады... Летом ярко зеленые да с разными оттенками, а сейчас, в октябре желто-золотисто-красные с зеленоватыми проталинками-мазками. И улицы все в листьях. Шуршат, резвятся, смеются, играют с метлой дворника Никича... Ш-и-их! Ши-их! Сметает метла листья с мостовой, а они поднимаются, кружатся, кружатся и опять аккуратненько приземляются. «Не сметеш-ш-шь... Не сметеш-ш-шь...» —

шепчут они. Ваня смеется вместе с листьями, кружится, берет их охапками и рассыпает вокруг. Никитич, высокого роста, коренастый бородатый мужик в огромном белом фартуке по колено, предупреждающе ворчит и грозит пальцем. Ваня понимает, но ничего не может с собою поделать. «Рождение! Рождение!» — радостно напевает он и с восхищением смотрит в сторону рынка на том берегу! О, как там шумно и весело! Съестные ряды, одежды... Игрушки!!! Сердце Вани сжимается от восторга. «С отцом пойдем!» Ваня закрывает глаза... Деревянные гусарчики, ароматно и притягательно пахнущие свежей краской, глиняные свистульки, сладчайшие пряники в белой глазури с цветной опсыпочкой, нестройное пение бродячих музыкантов-скоморохов. «Сегодня не пост, значит будут!»... А как сияют маковки церквей в солнечных лучах! Словно маленькие солнышки на каждой золотистой маковке. Колокольный звон течет медленно и неспешно над радостно просыпающимся городом. «Рождение! Рождение...Сегодня...» Кружится Ваня, скачет на одной ножке, еще ничего не ведая о своей судьбе. Ему пока кажется, что так и будет всегда... И маменька, и отец, и Горкин, духовный опекун, и то же родной-родной... Не ведает маленький Ваня Шмелев, что совсем скоро в такой же вот октябрьский денек умрет его отец. Потеряв отца в семь лет, Ваня никогда не забудет его. Никогда-никогда! И не в одной книге напишет о нем с великой нежностью. Не ведает маленький Ваня и о грядущих опустошающих войнах. Не ведает и о кровавой всеразрушающей революции, глубоко изранившей его Россию, страну, которую любил огромной своей душой, чистым своим сердцем, всем существом

своим. Любил так сильно, как умел. Не мог и предполагать о страшной этой силе, сокрушающей храмы, снимающей кресты, расстреливающей хранивший веру свою православный люд и перечеркивающей его, Вани Шмелева, любимые Праздники... Праздники эти — дыхание его, биение сердца его... Да и вся жизнь его, русского писателя Ивана Шмелева, и всего русского народа в праздниках этих.

О, мои дорогие друзья! Праздники наши русские! Что может быть искреннее, светлее, нежнее, радостнее Рождества Христова, скорбных, торжественных дней великого поста, Благовещения, Вербного Воскресенья, Светлой Пасхи Христовой, Пресвятой Троицы, Преображения Господня, Рождества Пресвятой Богородицы!?... Жизнь без них теряет то самое главное, без чего душа черствеет, появляется уныние, пропадает надежда. Ты, словно бы, перестаешь дышать. Это очень страшно... Шмелев сам едва не потеряет себя в революционном водовороте бесконечного горя и ужаса.

Невозможно говорить об этом уникальном русском писателе и не читать одновременно его произведения. Вы будете очарованы, мои дорогие. Вот послушайте. Никто не умеет так передать свое внутреннее состояние словами.

«Сейчас какой-то мистраль дует, и во мне дрожь внутри и тоска, тоска... Быстрее разворачивается клубок — сыплется из него день ото дня чернее. Видно, конец подходит. Ни страха, ни жути нет — каменное взирание. Устало сердце, страх со слезами вытек, а жуть забита...» («Солнце мертвых»)

Расстрел единственного горячо любимого сына доведет его до полного отчаяния. Иван Сергеевич, всегда бодрый, молодежавый, веселый, мгновенно превратится в согбенного седого старика с потухшим взором и нежеланием жить... Но любимая его Россия не забыла дорогого ей писателя Ивана Шмелева. Именно она, родная, спасет... согреет окаменевшее от горя его сердце, не позволит окончательно сломиться.. И там, в далеком французском городе Париже, истерзанная, измученная, соберет она в кулачок последние свои силы, улыбнется радостно-радостно и предстанет перед писателем своим любимым во всей красе своей русской. Дохнет на него теплом своим солнечным. И заставит его вновь сесть за печатную машинку и писать, писать, писать! Писать о ней, ненаглядной Родине своей, о «Душе России», о «Богомолье», о «Путьях небесных», о «Лете Господнем», о «Няне из Москвы», о «Свете разума», о «Куликовом поле». Писать для себя, писать для близких, писать для обездоленных русских детей и взрослых!..

Слушайте, слушайте, мои дорогие! И вы скоро почувствуете, как обогатятся ваши сердца!

«...как найти Родину и сделать ее своей и светлой... Что значит — найти Родину? Прежде всего: душу ее почувствовать. Иначе — и в ней самой не найти ее. Надо ее познать живую! Не землю только, не символ, не флаг, не строй.... Люблю, а за что — не знаю, не определить словом. Тайна — влекущая за собой душа Родины: живое, вечное, — и ее только...» («Душа России»)

Стоит на мосту белокурый мальчик, долго и внимательно смотрит он на дали московские, на улочки, проулочки, закоулочки мудреные, крутые набережные, холмы высокие, на маковки церковные, на крыши старенькие... Словно хочет все это помнить долго-долго. Словно чувствует судьбу свою тяжкую, что придется расстаться однажды и навсегда со всей этой «уюточкой», Москвой родимой.

«Я вижу... Небо внизу кончается, и там, глубоко под ним, под самым его краем, рассыпано пестро, смутно. Москва... Какая же она большая!.. Смутная вдалеке, в туманце. Но вот яснее... — я вижу колоколенки, золотой куполок Храма Христа Спасителя, игрушечного совсем, белые ящички-домики, бурые и зеленые дощечки-крыши, зеленые пятнышки-сады, темные трубы-палочки, пылающие искры-стекла, зеленые огороды-коврики, белую церковку под ними... я вижу всю игрушечную Москву, а над ней золотые крестики...» («Лето Господне»)

Улыбается маленький Ваня Шмелев, вслушиваясь в рассказ отца про шмелевский мост через Москву-реку, Крымский, построенный дедом Иваном и переделанный на железный «сквозной, будто из лесенок...» в 1873 году. В самом том году, когда и родился Ваня! Даже цифры на нем сохранились. «...Хороший, сосновый был, смоли его, дух какой шел, солнышком разогреет. А от железа какой дух!..», — медленно рассказывает отец и тоже улыбается светло так. Никогда не забудет Ваня этой отцовской улыбки... Никогда... Не забудет и Рождест-

венской Москвы, праздничной, нарядной, пахнущей пряниками, морозом, натертыми мастикой с медом полами, белыми розами в больших вазах и елочкой! Елочка... Да как же можно забыть огромную под потолок зеленую лохматую красавицу в гостиной! На каждой зеленой лапке в блестящих оберточках яблочки сладкие, конфетки, игрушечки смешные ватные да свечечки крученые восковые. А под елочкой коробочки заветные, сюрпризные, с подарочками. И тайна везде, во всем... В темной ясной ночи, в звездочках так ярко сияющих, в молитовках особых, рождественских... И ясельки, и пещерка, и овечки вокруг Младенчика, и Ангелочки и пастухи с посохами... Это в душе... Всегда... Рядом... Главное не потерять, не стереть, не забыть...

«...Когда мы шли домой...стали смотреть на звезды, и как поднимается дым над крышами, и снег сверкает от главной звезды, — «Рождественская» называется... И стали про Божественное слушать.... Про светлую пустыню сказывали, про пастырей и волхвов-мудрецов, которые все звезды сосчитали, и как Ангелы пели пастырям, а Звезда стояла над ними и тоже слушала Ангельскую песнь...» («Лето Господне»)

Долго смотрит Ваня, до боли всматривается в себя, ищет в душе своей драгоценные камни самоцветные, что Любовью, Верой и Надеждой зовутся. Вспоминает дни Великопостные суровые, но светлые и радостные, празднично-ожидательные, что ли... Как душа очищается, как свет в разуме теплится, разгорается и до то радостно становится, что и рассказать нельзя... А Шмелев

рассказывает, поет Пасху Христову с куличами ее рассыпчатыми, со свечками красными, мерцающими в темной глубине храма желтыми огоньками, с яичками чудесными, как только не изукрашенными! Поет, ловко перебирая струнами-переливчиками будто соловушка майский, поет зеленую Троицу, украшенную березками молоденькими и Яблочный Спас поет с яблочками наливными, румяными да с водичкой Святой и холодными ее целительными капельками ...

«А где же... весенний плеск?... Золото голубое — где?.. Надо закрыть глаза — и через узенько-узенькую щелку, через деревья, глядеть на небо. Лучше пройти за решетку сада, сесть где-нибудь потише, на солнышке, и так вот смотреть и слушать...Этот весенний плеск остался в моих глазах — с праздничными рубашками, сапогами, лошадиным ржанием, с запахами весеннего холода, теплом и солнцем. Остался живым в душе, с тысячами Михайлов и Иванов, со всем мудреным, до простоты-красоты душевной, миром русского мужика, с его лукаво-веселыми глазами... со смехом и бойким словом, с лаской и дикой грубостью. Знаю, связан я с ним — до века. Ничто не в силах выплеснуть из меня этот весенний плеск, светлую весну жизни... Вошло — и вместе со мной уйдет.» («Весенний плеск»)

Никто-никто так не умел и не умеет писать так, как Шмелев. И не сумеет! Никогда и никто!.. Он поэт, нежнейшим слогом воспевавший Россию.. Его проза будто песнь... былина... сказание... Красивая до восторга, до слез. И правдивая до черточки, до щелочки, до крошечки... Откуда это?.. И слова-то все известные наши рус-

ские! Но сплетены они между собой каким-то особым чудесным образом. И получились кружева диковинные небывалой красоты! Откуда это?..

Стоит на мосту белокурый мальчик... Смотрит... смотрит... улыбается... Вдруг раскидывает ручонки свои махонькие в стороны, словно взлететь собирается и радостно кричит.... Кричит... Дай тебе Бог, Ванечка... Рождение у тебя...

ИЗ ЖИЗНИ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЖИВОТНЫХ

О, мои дорогие друзья! Никогда не оставляйте добрых порывов души своей! Они так и останутся висеть в воздухе и будут все время преследовать вас, пока не удастся исправить ситуацию. Но это, к сожалению, не всегда возможно... Помните об этом, мои дорогие! Одна моя знакомая девочка рассказала печальную историю. Когда она училась в третьем классе, их попросили написать сочинение на весьма интересную тему: «Если бы я был волшебником...» Волшебником мечтают стать почти все... И даже взрослые... Поверьте, мои дорогие юные читатели, ваши мамы и папы, бабушки и дедушки, учителя и наставники, все-все без исключения иногда мечтают... И больше всего о приобретении волшебных способностей! А некоторые, те, кто поскромнее, мечтают хотя бы встретиться с волшебником, чтобы вручить ему списочек желаний...

Сочинение моя знакомая начала писать, как вы сами представляете, с великим удовольствием, что было довольно редким событием, касающимся школьных занятий. И что же вы думаете, она написала? О мире на нашей планете, о здоровье мамы, об игрушках. Это важно, но об этом все писали. О самом своем сокровенном желании она так и не решилась рассказать. Почему? Она не знает и до сих пор жалеет, что не написала. Зато сегодня у нее есть замечательная возможность рассказать о нем вам, мои дорогие! Вернее, я вам расскажу о том ее желании — моя знакомая мечтала построить большой теплый уютный Дом для... бездомных собак и кошек. И, конечно, устроить этот Дом с учетом

интересов и привычек хвостатых его обитателей. И быть, естественно, его директором! Эта тема всегда очень волновала ее и не давала покоя. Они с мамой старались подкармливать этих несчастных, пристраивали в добрые руки, подлечивали, как могли. Да и у них дома всегда жили подобранные братцы меньшие в довольствии и тепле. Некоторые живут до сих пор, хотя уже в очень преклонном возрасте.

Но, все же я хотел бы рассказать сейчас не о лохматых хвостатых наших друзьях. Я хотел бы рассказать о книге про них, о замечательной книге писателя Леонида Сергеева «Железный Дым», которая завоевала первую премию на Всероссийском конкурсе на лучшую детскую книгу о животных.

Чтобы вас не путать всякими возникающими образами паровозов, пароходов или дымоходов, сразу объясню — Дым или, как его ласково называли дома, Дымок — это «взрослый пес в расцвете сил». Причем, пес совершенно удивительный! Если вы решитесь прочитать эту книгу, то не пожалеете, потому что вас ожидает чудесное путешествие по реке, да не на простой какой-нибудь прогулочной лодке, а на байдарке, да еще с самым замечательным капитаном в мире! Да-да, вы угадали! Именно Дым, этот «взрослый пес в расцвете сил» дымчатого окраса, средней пушистости и необычайной смелости и есть капитан этой немногочисленной, то есть совсем малочисленной команды, состоящей всего из двух человек — хозяина, точнее Главного Друга, временно занимающего пост матроса, и самого четвероногого Капитана. И что самое удивительное, эти два существа настолько преданы друг другу,

что готовы в случае чего друг за друга и в огонь и в воду! А случаев в этом путешествии было предостаточно. И лодка переворачивалась, и тонули, и всю провизию теряли, и друг друга искали до потери сил, в кровь содранных ног, израненных лап и разодранных ушей. Но... не волнуйтесь, все кончилось очень хорошо! А еще Дым старый военный самолет на дне реки нашел! И родственники этого летчика, который со времен войны считался без вести пропавшим, узнали как он погиб и где. А это ведь очень важно. Кстати, «железным» Дыма стали называть именно за это необычайное качество — разыскивать железо.

Вот это да! — скажете вы. Вот это пес! Вот это дружба! Такое только в книжках бывает! Не только, скажу я вам. И собаки такие умные бывают, все зависит от хозяев. А Дым действительно жил у писателя и прожил счастливую, достойную и долгую по собачьим меркам жизнь! Леонид Сергеев хоть и писатель, то есть сочинитель, но сочиняет мало. Свои повести и рассказы пишет на основе реальных событий и воспоминаний из собственного детства. Вы просто не сможете остаться равнодушными к удивительным рассказам, наполненные любовью ко всему живому, начиная с собак, кошек, кроликов и куриц и даже лосей и медведей, и заканчивая бабочками, лягушками, змеями, жуками и червяками! Любовь... Да, именно, Любовь пронизывает эти рассказы. И еще боль... Боль, порожденная жестокостью, грубостью и равнодушием. Если бы все так относились к животным, как Леонид Сергеев и его добрые герои, то не появлялись бы страшные рассказы о несчастных собаках, сидящих в подвале и ожидающих казни... О зоо-

парках, где томятся в клетках звери, не знающие свободы, но бесконечно мечтающие о ней... Откуда нам знать, о чем думает белый медведь в знойную погоду запертый в клетке в центре душного города, когда ему самое место где-то на Севере среди льдов и снегов... Или слон, зимой живущий в теплом, но жутко тесном вольере... Кругом только каменные стены и не уйти никуда! Кто знает, может ему снятся африканские саванны, которых ему не дано увидеть... И вы, мои дорогие юные читатели, прежде чем завести какого-нибудь зверька, тысячу раз подумайте, много ли в душе вашей Любви. Любви, которой должно хватить вашей животинке, чтобы жить хорошо, и так хорошо, как она, эта животинка привыкла. Ведь чем экзотичнее животное, тем труднее создать условия для ее счастливого проживания в вашем доме. Только Любовь к животным может подсказать вам правильный ответ на вопрос — «Завести или не завести?». Пусть это будет отрицательный ответ, но именно он окажется верным. Помните, в сказке Антуана де Сент-Экзюпери Лис говорит Маленькому Принцу: «Ты навсегда в ответе за всех, кого приручил...» И в большинстве случаев пусть они, братья наши меньшие, живут на воле и наслаждаются ей. Но бывают случаи, когда им необходима наша человеческая помощь. Человек, в котором живет Любовь, никогда не пройдет мимо израненного воронами бельчонка, выпавшего из дупла. Или попавшего в болото лосенка. Или потерявшегося щенка... Да сколько их на страницах книги Леонида Сергеева! А сколько рядом с нами голодных, обиженных нами, преданных нами и просто мечтающих о хозяине, о доме... Наверно, нужно иногда останавли-

ваться в бесконечной жизненной круговерти, оглядываться вокруг себя и прислушиваться... Совсем как героиня книги босоногая девчонка Ленка. Эта Ленка обладала волшебным Даром — видеть в привычном, в том, что тебя окружает каждый день — красивое и чудесное... Действительно, разве не чудо — галка, которая подружилась с курицей! Да не с простой курицей, а с бесстрашной! С курицей, которая, не испугавшись коршуна, защищала своих цыплят! Или кот, который как услышит плач, стремглав бежит на помощь! Или лось, вдруг появившейся из леса, чтобы напиться воды из реки... Всем бы нам обрести этот Дар — вокруг себя смотреть и видеть, слушать и слышать. К счастью, этому можно научиться! И тогда можно считать себя настоящими волшебниками! Потому что все вдруг в жизни станет волшебным. Так-то вот, мои дорогие друзья...

ЛУЧШИЙ ДРУГ СТАРОГО СВЕРЧКА

— А-а! Вот вы опять пришли ко мне в гости! — Сверчок с трудом вылез из-за камина и уселся на специальной крохотной полочке. Старенькую потертую скрипочку свою он бережно положил рядом с собой. Смычок же оставался в его тонкой лапке.

— Проходите, проходите, присаживайтесь, пожалуйста. Вот сюда, поближе к огню. Сегодня сильный мороз. А у камина так тепло...

Поленья в камине весело потрескивали, а Сверчок говорил так тихо, что едва можно было разобрать его речь. Приходилось двигаться почти неслышно и полностью превращаться вслух, чтобы не пропустить ни единого его слова. А Сверчок говорил, размахивая смычком, словно дирижерской палочкой.

— Я вновь приготовил для вас необычайно интересные рассказы, мои дорогие! — голос его с возрастом стал чуть скрипучим, но все равно оставался тихим и приятным. — Вы готовы слушать? Да, я вижу, что готовы... Вы улыбаетесь, и глаза ваши горят в нетерпении... Ох, как я люблю вечера, когда вы навещаете своего старого одинокого Сверчка...

Сверчок взял свободной лапкой скрипочку, приложил к ней смычок и... холодная, давным-давно уж нежилая комната, покрытая паутиной и пылью, наполнилась благоуханием весенних цветов, теплое солнышко ласково заулыбалось, а сонные пташки так обрадовались, что залились чудесными трелями, какие можно услышать разве что в райском саду...

Скрипка пела нежно-нежно. Так нежно, что прекрасная мелодия ее беспрепятственно проникала в самые потайные уголки сердца. И становилось почему-то так грустно, что даже хотелось плакать.

— Итак, мои дорогие, все началось вот в этой самой комнате. Много-много лет тому назад она не была такой заброшенной. Наоборот, она была великолепной! Не как во дворце, разумеется, но довольно богато обставленной, со вкусом, уютом и некоторой роскошью, которую мог себе позволить крупный парижский буржуа в 17 столетии Пьер Перро в те далекие времена... Во времена королей и королев, принцев и принцесс, храбрых мушкетеров, прекрасных придворных дам в необычайной красоты платьях... Во времена самых разнообразных карет, мощенных и не мощенных улиц, многочисленных лошадей, королевских дворцов, старинных домов и даже замков... Кстати, замки уже тогда уходили в прошлое. Заброшенные, полуразвалившиеся, они притягивали, манили к себе мальчишеские сердца не меньше, чем теперь, а может быть даже и больше. И у маленького Шарля Перро, самого младшего из пяти братьев Перро, конечно же, был игрушечный замок со снимающейся крышей, с башенками, шпилями и бойницами, с лесенками, с подъемными мостами, с маленькой мебелью в комнатах, залах, переходах, в кухнях. В замке жили охранники, вельможи, слуги и даже играли музыканты-менестрели в тавернах, где отдыхали воины, вернувшиеся с победой из очередного военного похода. Управляющего замка, естественно, назначал сам Шарль. И чаще всего управляющим оказывался он

сам. Жили ли в этом замке тогда добрая Фея, Прекрасная принцесса, проспавшая волею судьбы целых сто лет, справедливый и добрый Король, страшный Людоед, ловкий и хитрый Кот в сапогах, несчастная Золушка, Красная Шапочка, благородный Принц?.. Трудно сказать. Но маленький Шарль уже тогда узнал их всех! Именно, в этой комнате и, именно, в такой же вечер, как этот, я сам поведал ему о них! Когда долгими зимними вечерами вся семья как обычно собралась здесь у камина, чтобы обсудить семейные дела, я рассказывал свои сказки. Правда, слушал меня один Шарль. Остальные были заняты более важными делами. Скажу вам по секрету, услышать сказку может не каждый, а тем более ту сказку, которую поет сверчок... Славный малый Шарль Перро обладал тонким слухом и чутким сердцем. И однажды чудесные сказки эти принесли Шарлю мировую славу, любовь и признание благодарных читателей, которым нет числа и по сей день! Но это было много позже...

Сверчок вновь заиграл пронзительную мелодию. Проиграв несколько музыкальных фраз, он отложил скрипку, вздохнул и долго молчал. А мелодия продолжала звучать...

— Да... Уже тогда я жил именно в этой комнате, именно за этим очагом. Меня принес сюда Шарль. Да-да, именно Шарль, мой самый добрый и верный друг. О-о! Да вы же ничего не знаете! А дело было вот как. Шарль обожал бывать в загородном доме селения Вири недалеко от Парижа. Что это было за место! Голубоватые дали, нежная зелень лесов, цветущие луга, прозрачный воздух, в котором серебром звенели жаворон-

ки. А чудесный парк с самыми разнообразными фонтанами! Сколько провел здесь дней мой Шарль, без усталости обследуя все тайные укромные уголки, наслаждаясь неопишуемой красотой вокруг, наблюдая за цветами, бабочками, птичками, облаками и придумывая все новые и новые забавы, игры и приключения! Но Шарль не был одинок. У него были друзья. Это были простые деревенские мальчишки, с которыми было интересно ловить рыбу, разводить костры, подсушивать хлеб на горячих камнях. Сначала Шарль даже не замечал, что мальчишки чем-то отличаются от него. Что они оборванные, полуголодные, босоногие. Он сам с удовольствием сбрасывал с себя тесные туфли и сюртучок, скользящий все движения, и становился свободным, как они, эти мальчишки. Они принимали его «за своего» и общались на равных. Они же были не во дворце и не на официальном приеме! Шарль понял, насколько жизнь деревенских мальчишек сложна и трудна только после того, как зашел однажды к своему маленькому приятелю Жану, чтобы попить воды. Шарль был поражен беднотой, царившей вокруг. Простая деревянная мебель в единственной комнате, мыши, снующие везде, огромный очаг с чугунным котлом, в котором варилась похлебка из репы и лука. «Это ваша еда?» — спросил Шарль, привыкший к роскошным обедам с разносолами и сладостями, которым не было предела. Жан утвердительно кивнул и протянул Шарлю половину вареной репы. Шарль не мог позволить себе съесть обед своего бедного друга. И хотя и был голоден, отдал его назад, за что был вполне вознагражден. С жадностью поедая свою репу, Жан таинственно сообщил Шарлю,

что за печкой у него живет поющий Сверчок. И Сверчок этот знает много интересных историй и сказок. И что он, Жан, был бы очень рад, если бы Шарль забрал его с собой в город. «А как же ты будешь жить без такого чудесного сверчка?» — тревожно спросил Шарль. «Сверчок поет так громко, что отец грозился выгнать его из дома. Зимой на улице он просто замерзнет», — грустно сообщил Жан и протянул Шарлю деревянную коробочку, в которой сидел ваш покорный слуга, мои дорогие!

Сверчок изящно поклонился и вновь тронул струны своей скрипки...

— Ах, Шарль, Шарль... Как я любил тебя! Ведь эту скрипку смастерил для меня твой старший брат Клод. Как ты упрасивал его, воодушевляя на этот подвиг! Так же ты уговорил его, спустя много лет, принять участие в конкурсе проектов галереи в Лувре — всемирно известном королевском дворце! Ведь Клод не был профессиональным архитектором. Но ты, Шарль, так верил в него, что Клод создал прекрасный проект и победил в этом конкурсе. До чего же были удивлены даже великие итальянские архитекторы мастерством архитектора-дилетанта! И в этом, Шарль, была и твоя немалая заслуга!

Сверчок с великой нежностью прижал к себе старенькую, потертую скрипочку. Огромные глаза его наполнились слезами. Он промокнул их крохотным платочком и улыбнулся.

— Да, мои дорогие, способность помочь ближнему поверить в собственные силы — это своего рода золото в душе человеческой... Шарль не раз черпал из этого богатого источника. Когда ему было лет десять, он, ти-

хий и застенчивый мальчик, ни секунды не размышляя, яростно и бесстрашно набросился на мальчишек, гнусно издевавшихся над его одноклассником, которого все презирали и высмеивали. Шарль впервые подрался. Но не ради хвастовства перед одноклассниками или девчонкой. Он просто не мог наблюдать несправедливость и унижение! И сил хватило, чтобы одному справиться с тремя обидчиками! Борэн, а именно, так звали спасенного мальчика, которого никак не хотели признавать в классе за его короткий рост, шмыгающий нос, косноязычие и плохую успеваемость, навсегда стал другом Шарля Перро. Шарль строго наказал ему сесть рядом с ним. И никто больше не смел обижать близкого друга Перро. Борэн оказался действительно прекрасным другом и весьма способным и старательным учеником. Ему просто нужно было поверить в собственные силы, что он и сделал, благодаря моему Шарлю! А Шарль после этого знаменательного случая навсегда избавился от робости и стал блестяще отвечать на уроках и умел отстаивать свое мнение даже в спорах с учителем! Но он не был глупым упрямым. Отец однажды объяснил ему, что ради истины признать себя в споре неправым и уступить, может только очень умный и мужественный человек. Шарль научился и этому искусству. Шарль и Борэн стали неразлучны. И даже, когда родители посчитали, что их учеба в колледже закончена и не стали больше платить за обучение, они вдвоем составили строгое расписание занятий и изучали различные науки самостоятельно!

Скрипочка Сверчка пела нежно и тихо. Огонь в камине почти догорел. Сверчок сидел неподвижно, казалось, что он заснул...

— Ах да! Сказки!.. Вы хотите услышать про его знаменитые сказки! Ну, конечно! Ай, старая развалина... Я заставил вас столько ждать... — Сверчок вскочил и расправил свои прозрачные крылышки. — Сказки... И здесь тоже не обошлось без чудесного, вполне сказочного чувства справедливости, которым Шарль обладал, казалось, всегда. Будучи уже взрослым человеком, канцлером Французской Академии, начальником Индендантства королевских построек, государственным секретарем по культуре, Шарль страшно переживал за французскую литературу. Ему хотелось, чтобы она была самобытной, оригинальной, интересной, яркой, разнообразной и справедливой. Чтобы, читая книги, люди не только наслаждались литературным стилем, словесными кружевами или изысканными описаниями, а и выносили для себя жизненные уроки. И чтобы книга стала настоящим другом, способным помочь в трудную минуту. Таких книг тогда не было. И не было совершенно книг для детей. Издавались лишь отдельные брошюры. И в то же время литературе уделялось большое значение. Создавались литературные салоны, где собирались писатели и любители литературного искусства и спорили, спорили, спорили... Одни говорили, что необходимо сохранять традицию писать в духе древне-греческой литературы. А другие, среди них был мой Шарль, пытались доказать, что не надо никому подражать. Что французский народ необычайно богат своими мудрыми, добрыми сказками и пословицами, своей прекрас-

ной поэзией и своими чудесными национальными традициями. Мой Шарль... О, простите, великий Шарль Перро создал свои сказки для детей из аристократических семей, чтобы эти дети знали, впитали в себя с детства богатства их родной Франции и выросли в любви к ней, своей стране! Конечно, народные сказки, услышанные от меня, Шарль переработал, написал их более изящно, более изысканно, обогатил своей фантазией и украсил нравоучениями для полного и безоговорочного урока доброты и любви. Такие уж были времена. Все приходилось разъяснять до конца. Его знаменитая книга так и была названа «Сказки моей матушки Гусыни, или Истории и сказки былых времен с поучениями». Так с легкой руки Шарля Перро родилось новое литературное произведение — волшебная сказка!

Сверчок устало сел на свою полочку и поднял тонкую лапку, указывая куда-то в угол...

— Вот там, на полочке и стоит этот сборничек. Моя самая любимая книга из всех книг, которые я перевидал на своем веку. Возьмите его в руки, не бойтесь, смахните пыль, откройте... О-о! Будьте здоровы! Конечно, не мало пыли накопилось за столько времени. Но, поверьте, это зло не столь большой руки. Главное, что вы держите эту драгоценнейшую книгу с самыми чудесными волшебными сказками. Покажите ее мне. Да-да, вот он знаменитый Кот, носивший самые настоящие кожаные сапоги и шляпу с роскошными перьями! Недаром ему удалось обмануть коварного Людоеда и устроить счастливую жизнь во дворце своему хозяину, всегда делившему с ним последний кусок хлеба. А это Золушка. Какая красавица даже в грязном рваном платице! Ибо

человека красит доброта... О-о! Очаровательная крошка Красная Шапочка! Как вежливо и доверчиво разговаривает она с волком. Бедная крошка! Хорошо, что охотники были недалеко, а то не миновать бы беды... Мальчик-с-Пальчик! Вот озорник! Как он ловко разделался с Людоедом и спас своих братьев! Вот что значит проворный ум, смекалка и любовь! И дело тут совсем не в росте... А это что за непроходимые заросли? Там вдали старинный замок? А-а! Это прекрасный Принц спешит на помощь к спящей целых сто лет прекрасной Принцессе. Он так спешит, что его ничто не сможет остановить, никакие коварные чары злой колдуньи. Ибо в его сердце живет самое сильное волшебное чувство Любовь...

САМАЯ ЧУДЕСНАЯ СКАЗКА АНДЕРСЕНА

— Я всегда очень любил слушать щебетанье ласточек, строящих гнездо под крышей моего дома. Эти птички казались мне не совсем реальными, скорее сказочными. И вам тоже, мои дорогие? Я знал, что вы меня поймете! Уж очень многое связывает их со Сказкой. Не правда ли?! Я не верил своему счастью, когда они поселились у меня. Я буквально превращался в слух, пытаюсь услышать новые невероятные истории, следуя примеру любимого сказочника. Но... Дар слышать дается только людям великим, таким, каким и был господин Ганс Христиан Андерсен, совершенно справедливо увенчанный королевским венцом среди самых великих сказочников! Во всем мире нет, наверное, такой семьи, в которой не гостили бы его сказки, бесконечно радуя не только маленьких слушателей. К счастью, эти сказки обладают чудесным свойством — трогать до слез и ваши сердца и сердца взрослых, давно забывших о своем детстве! Андерсен, подобен мудрой знахарке из сказки «Что можно придумать». Помните, мои дорогие? Она дала молодому человеку, пожелавшему стать поэтом, волшебные вещи, без которых он был глух и слеп ко всему, что его окружало. Чудесный слуховой Рожок, с помощью которого он стал не только слушать, но слышать, и чудесные очки, позволившие ему и не просто смотреть, но видеть! Встретившись с неповторимыми сказками Андерсена, вдруг начинаешь замечать, что даже предметы вокруг тоже умеют говорить. Правда, да?! Вы тоже это заметили? Самое удивительное, что начинаешь слышать их истории! Простой штопальной

иглы, и свињи-копилки, и старого уличного фонаря и даже горлышка давно разбитой бутылки! Да?! И вам тоже приходило в голову прислушиваться к эдаким мелочам? Это прекрасно! Ведь жизнь наполнена этими самыми мелочами, они окружают нас, живут с нами и даже влияют на нашу жизнь, хотим мы этого или не хотим... Счастье, по-моему, это и есть умение ценить каждое прожитое мгновение, как это гениально делала в сказке «Последний сон старого дуба» муха-поденка, у которой век длился всего один день! Но «что за длинный, чудный был день, полный радости и сладких ощущений!.. Муха плясала и кружилась в воздухе, радуясь своим нежным, изящным, прозрачно бархатистым крылышкам, радуясь теплomu воздуху, напоенному запахом клевера, шиповника, бузины и каприфолий...» Согласитесь, что способность видеть среди будничной суеты в каждом цветке, даже несовершенном, в каждой птахе и букашке творение Божие — соразмерна с чудом! Да-да! С самым настоящим чудом, о котором и пишут в волшебных сказках!.. И тогда жизнь становится богаче, прекрасней, она действительно превращается в сказку. А ты сам в поэта... Андерсену дана была такая великая сила Слова именно потому, что он умел воспринимать свою жизнь, как «сказку прекрасную и благословенную»... Хотя горестей, лишений, несправедливых насмешек и унижений он терпел предостаточно, совсем как бедный Гадкий утенок. Только Андерсену повезло больше, чем несчастному утенку. Он вырос в бедной семье, но среди любящих его людей. Мать была обычной прачкой, но комнатку, в которой они ютились втроем, держала в чистоте и уюте. Андерсену на всю жизнь

запомнились белоснежные простыни и белоснежные занавески, и стены, увешанные картинами, и полка с книгами, и даже «ящик с землей, в котором росли лук и петрушка». Ящик этот, как известно, со временем благополучно переселился в сказку о Снежной королеве... И отец, сапожных дел мастер, со слезами на глазах рассказывающий сыну о своем стремлении учиться... Их совместные вечера, которые они проводили за чтением или мастерили очередной кукольный театр. Все это составляло счастье маленького Ганса. И все равно он был страшно одинок. Сверстников он сторонился, потому что они смеялись над ним, мечтательным, застенчивым мальчиком, неспособным драться и развлекаться как все другие мальчишки. Он любил читать, много фантазировал, играл в кукольный театр или мог часами наблюдать, как раскрываются листья на кусте крыжовника, росшим перед окном. Одним словом, был ребенком «не от мира сего»! Да еще внешностью Бог наградил незаурядной! О, мои дорогие! Вы даже не представляете, что бедному Гансу пришлось пережить из-за своей внешности! Современники, которым посчастливилось познакомиться с ним, когда он был еще простым пареньком, мечтающим во что бы то ни стало попасть на театральные подмостки, вспоминали, что он представлял собой «удивительное существо» — долговязая, необычайно тощая, нескладная фигура и, к тому же, «маленькие раскосые глазки, которым потребовалась бы пластическая операция, чтобы видеть из-за длинного, выдающегося вперед носа...» И все же Андерсену везло! Везло потому что доверился Господу, наделившего его чудесным Даром — талантом! Дар этот Андерсен

стремился сберечь во что бы то ни стало! Поэтому он, четырнадцатилетний мальчик фактически без гроша в кармане, оказавшись один в незнакомом городе Капенгагене, с неописуемой одержимостью искал помощи у влиятельных людей, не стесняясь своей назойливости и комичной внешности. И, о чудо! Он добился своего! О нем позаботились полковник: Хёг-Гульдбег, сын известного в то время политика, Сибони, директор оперной студии Королевского театра, композитор Вейсе и поэт Йенс Баггесен, режиссер Линдгрэн и, наконец, статский советник Йонас Коллин — один из самых деловых и влиятельных высших сановников Дании! Мало того, Коллин вел все дела Андерсена, заботился о нем, следил за учебой в гимназии, а затем в университете! Я уже не говорю о том, что еще в Оденсе он, сын простого сапожника, умудрился привлечь к себе внимание принца Кристиана! Эти важные господа вспоминали, что этому необычному мальчику, всегда начинавшему свой очередной визит с грациозного глубокого театрального поклона, сбросив с головы шляпу и выставив вперед ногу, просто невозможно было отказать. До того он был искренен, даже наивен в своем прошении и, в то же время, не по-детски настойчив и серьезен. «Он обладал безоговорочной уверенностью гения в том, что заслуживает помощи, и что Дания создана для того, чтобы ему помочь», — писал его биограф Бо Грэнбек.

О, мои дорогие, знаете ли вы, что такое этот Божественный Дар — талант?! Бремя? Обязанность? А, может быть, поручение? Андерсен прекрасно знал ответ с самого раннего детства, чувствовал своим чутким добрым сердцем, что ему уготована не простая судьба то-

каря или сапожника, что путь его и есть тот страшный «тернистый путь славы», о котором рассуждал уже будучи знаменитым писателем. Понимал, что преодолеть его и выполнить свою миссию далеко не каждому по силам. И что это «мост, созданный великим зодчим, чтобы соединить небо и землю». И что талант хоть и хрупок, словно цветок, но обладает гигантской силой. И что если приложить немалые усилия и найти себя, свое дело, и быть стойким, как оловянный солдатик, который «и на одной ноге стоял так же твердо, как иные на двух», то жизнь действительно станет сказкой, солнечной, светлой. И однажды вдруг можно умчаться на одной из самых трогательных птичек — ласточке, зарывшись лицом в ее мягкие перышки. Умчаться туда, где всегда тепло и в цветах живут эльфы... Может быть, в ту страну, в которой после долгих скитаний и соблазнов, нашла свое счастье отважная крошка Дюймовочка. Там то уж истинному поэту обязательно предложат пару легких крылышек... Зачем?! Для одухотворенности! Чтобы дышалось легко! Ведь поэт, у которого нет легкого дыхания вовсе не поэт! Так устроен мир...

Андерсен посвятил жизнь ее величеству Сказке. Можно даже сказать — обвенчался со Сказкой! Он бежал от обыденности и будней семейной жизни, пожертвовав счастьем в любви во имя нас, с вами, его поклонников и читателей...

И я очень счастлив, мои дорогие, что у меня есть чудесные воспоминания. И они приходят ко мне «и приводят с собою кого могут», совсем как в сказке о Старом доме, где жил одинокий старичок. Никогда не забыть мягкий ироничный голос Николая Литвинова. И

сказки, озвученные этим голосом, приносившим в дом уют и тепло. И про мудрого принца-свинопаса, и про калоши счастья, и про голого короля. «Крибле! Крабле! Бумс!» Вот вы и в сказке... Не забывается неповторимый голос Марии Бабановой. И, словно сотканная из нежнейшего звона маленьких колокольчиков, возникает ее хрупкая и нежная Дюймовочка. И утенок, маленький, потерянный и совсем не гадкий. И слезы сочувствия этому совершенно одинокому существу. И мудрый Олелукойе. Ох, бойтесь, мои дорогие, чтобы однажды он не раскрыл над вами свой черный зонтик, а не цветной! Но я думаю, вам это не грозит. У вас такие добрые и чуткие сердца...

САМАЯ ОБЫКНОВЕННАЯ АСТРИД

— Еще одна ваша любимая сказочница жила совсем недавно, в прошлом веке... Вы ее прекрасно знаете! — Сверчок взял в лапки свою скрипочку и ... зазвучала необычайно веселая мелодия — Танцуйте, мои дорогие! Танцуйте! Вы заслужили это! Вы такие чудесные слушатели! И любители книг! Что может быть в жизни прекраснее книг! — Сверчок упоенно играл, да еще пританцовывал на своих тонких лапках. Оставалось только удивляться, откуда у него берутся силы!

— О, не переживайте за меня! Музыка и ваша доброта дают мне силы! Эх!... — Сверчок резко выдохнул, опустил скрипку и сел на своей полочке. Взгляд его сиял и искрился. Он был необыкновенно бодр. Чудеса, да и только! — Об этой девочке рассказал мне один мышонок, живший по соседству в норке. Он любил наблюдать за ней. Она иногда угощала его крошками и кусочками сыра. А еще одна пташка, жившая в лесу, в котором девочка любила гулять. И одна лягушонка, жившая у пруда, где девочка любила отдыхать. Слушайте же.

В самой обыкновенной стране Швеции, близ самого обыкновенного городка Виммербю, в самой обыкновенной усадьбе Нэс жила-была самая обыкновенная девочка Астрид Анна Эмилия Эриксон. Как и самая обыкновенная девочка, она носила две тугие косицы, торчащие в разные стороны, бегала со своими братьями и сестрами в «догонялки» и «пятнашки», играла в «прятки» и в куклы... Дети в доме Эриксонов были счастливыми детьми. Им позволялось шалить, даже озорничать! И ни капельки не ругали за разорванное платье

или испачканные брюки. Но самым ценным сокровищем для детей была их бабушка. Никто не умел так живописно и с таким юмором рассказывать о привидениях и разных там призраках, как бабушка Ида. Дети упивались этими рассказами, бесконечно пересказывали их друг другу и придумывали самые разнообразные игры, нередко перераставшие в сказочные приключения. Впрочем, как и вы, мои дорогие.

Астрид и одна любила играть не меньше. Ведь одной проще все организовать по своим правилам. Только по своим. Она сооружала из веток и досок уютные дома на ветвистых деревьях и воображала себя дочерью самого настоящего разбойника. И еще любила мчаться с невероятной скоростью, словно лихая наездница на лихом коне, по лесистым холмам, по вересковым пустошам, по березовым и осиновым рощам. И еще любила поваляться на мягкой траве, задыхаясь ее ароматом и смолистым запахом елей и сосен, и слушать, слушать... как шелестят своими листиками деревья, как звенят маленькие лесные колокольчики, как поет соловей, выводит замысловатые трели дрозд, тренькает синичка, успокаивающе кукует кукушка... И, как самая обыкновенная девочка, любила и помечтать... К примеру, об очередной поездке в городок Виммербю... на ярмарку. Вот уж где живет настоящий праздник! Толпы народа, горы всякой всячины и вкуснятины, карусели, аттракционы, шпагоглотатели и бородатая тетка, которую можно посмотреть за деньги. И еще разноцветные чулочки! Вот бы здорово было надеть вместо скучных черных чулков — такие вот, яркие, словно цветочная полянка в лесу! А еще лучше, чтоб на одну ногу разноцветную «цветоч-

ную полянку», а на другую... зелененький «хвойный лесок»!.. А леденцы! Что может быть вкуснее этого прозрачного, тягучего лакомства, похожего на капельки смолы, только сладкие. Вот бы купить сразу восемнадцать килограммов!

Но все это — и цветные чулочки, и горы леденцов — было несбыточной мечтой. Такое расточительство родители Астрид не могли себе позволить, даже если бы захотели. Самюэль Август и Хана Эриксоны были трудягами-крестьянами, державшими большое хозяйство и работавшими с утра до вечера. Астрид, как и другим самым обыкновенным крестьянским детям, приходилось много работать — таскать воду из колодца, кормить многочисленных поросят, кур, гусей, пасти овец и коров, складывать в поленнице дрова, пропалывать бесконечные грядки, носить обед родителям на дальние поля. Ох, вот бы уметь летать! Не на крыльях, нет! С крыльями проблем много. Иметь бы на спине маленький пропеллер. Как на больших летательных машинах — аэропланах, на которые Астрид с друзьями бегали смотреть, как на диво дивное, чудо чудное! Да, с помощью такого пропеллера в одно мгновение можно на поле у отца оказаться вместе с обедом и с ужином одновременно, или на пастбище, или еще где-нибудь. Ведь со всеми этими домашними делами и поиграть не успеешь. А это было ужаснее всего. Астрид не могла жить без игры. Порой она удивлялась, как она не заигрывалась до смерти...

Больше всего этой самой обыкновенной девочке нравилось сидеть на берегу одного из многочисленных лесных озер, в котором, словно в зеркале, отражались

солнце, небо, облака, деревья... Вода была такая чистая, а отражения такие яркие, что Астрид была твердо уверена — там, внизу существует еще один мир, такой же, но... все же другой. Астрид бросала в воду камешки и наблюдала, как ее собственное отражение расплывается то в одну сторону, то в другую, кривляется и корчит рожи, слабо напоминая девочку Астрид Эриксон, улыбочливую, смешливую, с веснушками на носу и с двумя тугими косицами, торчащими в разные стороны. Но отражение всегда вновь принимало четкие очертания. Астрид вновь узнавала себя. И это вдохновляло и обнадеживало.

Когда Астрид было пять лет, она узнала, что на свете существуют книги. Чудо это явилось к ней в один из холодных зимних вечеров на кухне. Да-да, на самой обыкновенной кухне соседа пастуха. Да будет вам известно, что все чудеса происходят там, где их совершенно не ждешь, в весьма прозаичном месте. В тот самый момент, когда Астрид наблюдала за огромными снежными хлопьями за окном, кутаясь в теплый шерстяной платок, и «за обе щеки» уплетала теплые ароматные ржаные лепешки со сметаной, которыми угощала ее жена пастуха Кристин... Именно в тот самый момент на кухню вошла дочка пастуха Эдит и принесла... книгу. Мало того, она начала ее читать вслух! Это была чудесная сказка о великане Бам-Баме и фее Ферибунде. Астрид забыла обо всем на свете. Платок сполз на пол, лепешка так и осталась недоеденной. Глазищи девочки, и без того огромные, становились все больше и больше, косицы подрагивали, и даже веснушки стали ярче. До того ее поразил тот факт, что сказки можно не

просто слушать, помнить и выдумывать, а записывать и читать!

Астрид мгновенно поняла, что ей просто жизненно необходимо выучиться читать. Эдит легко согласилась стать первой учительницей Астрид, доброй и терпеливой. А Астрид, в свою очередь, толковой и старательной ученицей. И дело быстро пошло на лад.

После памятного вечера на кухне у Кристин Астрид потеряла покой. Она начала охотиться за книгами. И первой в ее библиотеке появилась сказка про очаровательную Белоснежку и ее друзей гномиков, смешных и трогательных. Сказка, о которой мечтает каждая обыкновенная, уважающая себя девочка. Потом появился чудненький сборничек шведских сказок под таинственным названием «Среди домовых и троллей». Вот это оказалось для Астрид настоящим сокровищем! Тем более, что книга была украшена потрясающими картинками.

Библиотека Астрид день ото дня росла с необычайной скоростью. В ее скромной уютной комнатке появилась новенькая, ароматно пахнущая свежим деревом книжная полочка, подаренная отцом в честь самостоятельного овладения дочкой весьма непростым умением читать! На полочке с удовольствием поселились любимые сказки Х-К Андерсена «Гадкий утенок», «Стойкий оловянный солдатик», «Дикие лебеди» и, конечно же, « Удивительное путешествие Нильса Хольгерссона с дикими гусями по Швеции» Сельмы Лагерлёф. Тогда, аккуратно расставляя любимые книжки на своей полочке и бережно протирая их от пыли влажной тряпочкой, она и предположить не могла, что...

...Что через несколько лет одно из ее школьных сочинений, которые всегда читали в классе, будет напечатано в городской газете. А саму Астрид будут дразнить «Сельмой Лагерлёф из Виммербю»! И до того ей это надоест, что она твердо решит не только никогда-никогда не быть писательницей, но и, вообще, даже ручку в руки не брать! ...И что спустя много лет все-таки станет знаменитой детской писательницей и получит медаль Нильса Хольгерссона, а позже Международную Золотую медаль Ханса Кристиана Андерсена! Да, кухня у Кристин стала истинно не только сказочным, но и памятным местом, хотя никакой кухни давным-давно уже не существует... И чтобы потом ни сочиняла шведская писательница Астрид, ставшая после замужества Лингрэн, она неизменно вспоминала бедную кухню Кристин и улыбалась. Но это все еще только будет...

А пока девочка Астрид подолгу сидит одна на берегу озера, любит лесными фиалками и рассказывает им все свои беды и радости. Радостей стало гораздо меньше, когда Астрид пошла в школу. О первой учительнице вспоминать не хотелось. К своему ужасу, Астрид узнала, что на свете бывают розги. Их тонкие прутья со зловещим свистом опускались на ладони и обжигали, словно пронзали все тело насквозь. Бр-р-р... Астрид морщилась, зажмуривалась и старательно мотала головой, чтобы забыть... забыть... забыть... Впрочем, в третьем классе Астрид повезло. Новая молоденькая учительница оказалась до того милой, что позволяла ученикам вылезать на перемене на крышу. Вот оно, счастье! Действительно, что еще нужно такой отчаянной выдумщице, как Астрид. Крыша весьма романтическое место. Ведь

именно на крыше может поселиться в маленьком домике упитанный человечек с пропеллером, считающий себя самым лучшим на свете, который всегда не прочь поозорничать... Астрид до боли в глазах вглядывалась в прозрачную синеву воды. Там, в другом... ее мире нет ни розг, ни слез, ни жестокости и несправедливости. Радость, только неумная, безудержная радость царит в ее мире и, конечно, любовь... Да-да, вы совершенно правы, мои дорогие! Вы помните ее прекрасных героев! Дети разбойников мальчик и девочка, дружат вопреки всему и всем, дружат так, что не боятся прыгнуть через огромную пропасть ради этой верной и честной дружбы... Озорник мальчишка спасает от верной смерти своего старшего друга, работника в их доме, чуть ли не ценной собственной жизни... Смешной человечек с пропеллером и его верный маленький приятель возвращают искренность и радость зануде-старик и чопорной домоправительнице, давно забывшим, что такое счастье... А невероятно сильная и трогательная в своей непосредственности девчонка с двумя торчащими в стороны косицами и разными чулочками на ногах, одерживает триумфальную победу над обидчиками, посмевающимися обидеть слабого... Да-да, вы совершенно правы! Все они, и Ронья — дочь разбойника, и друг ее Бирк, и Эмиль из Лённиберги, и работник Альфред, и Карлсон, который живет на крыше, и славный добрый Малыш, и Пеппи Длинныйчулок, и еще многие и многие, и многие... гораздо позже поселятся на страницах ее книг.

Книги эти станут известными во всем мире! А на родине Астрид при ее жизни воздвигнут три памятника! Бронзовый бюст в парке Тегнера в нескольких кварта-

лах от ее дома. В этот парк она иногда приходила поболтать сама с собой... Другой памятник в парке Юргорден. Там бронзовая худенькая Астрид в своем неизменном беретике сидит в кресле с раскрытой книгой в руках. Дети подбегают к ней, забираются на колени и целуют... Еще дом «Июньская горка», «большой интригующий дом», в котором можно послушать ее сказки и поиграть... И еще сказочная железная дорога, придуманная иллюстратором Марит Тёрнквист. По этой железной дороге, уютно устроившись в вагончике поезда на станции «Виммербю», можно по-настоящему путешествовать по сказкам Астрид Лингрен, своими глазами увидеть ее героев, побывать на «Вилле Верхтормашками», посидеть на лошади Пеппи Длинныйчулок, поиграть с ее любимой обезьянкой господином Нильссоном и услышать глуховатый голос Астрид, читающий отрывки из собственных книг...

Хочется, конечно, побывать там, поклониться памятникам, восхититься гениальной придумкой-путешествием, но... это совершенно необязательно. Наша радость от встречи с героями Астрид и есть наш низкий поклон, наша благодарность, наши теплые слова великой сказочнице, сумевшей сохранить в себе, прожив долго-долго, почти сто лет, ту девочку с торчащими в разные стороны тугими косицами, способной радоваться всему на свете и любить все-все живое кругом и всех-всех детей в мире. И нас с вами тоже!

— Книги — вот настоящее чудо, объединяющее всех людей добрыми прочными нитями и дарующее истинное счастье, мои дорогие-дорогие слушатели....

Сверчок осторожно встал, взмахнул своим зеленым смычком и... все книги, разложенные по всем углам оказались на своих полках! Сверчок почтительно поклонился, надел свою высокую шляпку, повернулся на одной лапке и пропал... А чудесные звуки его скрипочки продолжали звучать...

СОДЕРЖАНИЕ

«Я БУКВЫ ВЕДАЮ...».....	3
ЗОЛОТОЕ СЛОВО РУСИЧЕЙ	10
ВЕЛИКАЯ КОМЕДИЯ.....	17
В ПОИСКАХ ЗЕЛЕННОЙ ПАЛОЧКИ.....	26
О, ЕСЛИ Б ВСЕ ЛЮБИТЬ УМЕЛИ ТАК РОССИЮ... ..	37
ИЗ ЖИЗНИ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЖИВОТНЫХ.....	45
ЛУЧШИЙ ДРУГ СТАРОГО СВЕРЧКА.....	50
САМАЯ ЧУДЕСНАЯ СКАЗКА АНДЕРСЕНА.....	59
САМАЯ ОБЫКНОВЕННАЯ АСТРИД.....	65